

н а т а л ь я
АЛЕКСАНДРОВА

Дорого выкуп:
Три поросенка

Шашлык
из трех поросят

Три подруги в поисках денег и счастья

Наталья Александрова

Шашлык из трех поросят

«Автор»

Александрова Н. Н.

Шашлык из трех поросят / Н. Н. Александрова — «Автор»,
— (Три подруги в поисках денег и счастья)

Три неунывающие подружки – Ира, Жанна и Катерина – снова впутались в таинственную историю... У Кати – известной художницы – прямо из престижной галереи похитили только что выставленное там панно... Кто это сделал? Коллега-завистница, она же по совместительству – новая жена «бывшего» Катерины? Элегантный африканец-дипломат, прямо-таки влюбившийся в это панно с первого взгляда? Или неприятный лысый тип бандитского вида, который тоже вился вокруг панно? Три верные подруги начинают расследование...

Наталья Александрова

Шашлык из трех поросят

«Как прекрасна иногда бывает жизнь! Много ли человеку нужно для счастья!»

Эти мысли были написаны на лицах всех без исключения прохожих, которые двигались по Невскому проспекту в обе стороны – к Адмиралтейству и к площади Восстания. Еще бы не радоваться, когда на календаре самое начало мая, а солнце светит совсем по-летнему. И так продолжается уже четвертый день, так что даже самые неверующие отважились снять теплые пальто. Почки на деревьях давно уже сообразили, что пора, и полопались, так что деревья радовали глаз нежной зеленью. Блестели чисто вымытые витрины магазинов, в них отражались нарядные улыбающиеся люди – в это время весь город был счастлив.

Ирина не отличалась от остальных. Так же как у всех, у нее на губах бродила мечтательная улыбка, хотелось поднять лицо к ласковому солнышку и застыть так на неопределенный срок. Однако на Невском проспекте так не постоишь – сметут. Ирина двигалась в толпе, поглядывая на витрины и машинально окидывая взглядом встречных женщин. Однако, многие уже одеты совсем по-летнему... Интересно, а как бы на ней смотрелись эти коротенькие брючки...

Тут на нее с размаху налетел кто-то шумный, толстый и запыхавшийся. Некто был в сером и бесформенном, но Ирина поняла все же, что это женщина. Посыпались на тротуар какие-то пакеты и кульки, тетя стремительно нагнулась и боднула Ирину головой в живот.

– Простите! – завопила она, хотя Ирина не успела еще выразить свое недовольство. – Ради Бога простите, я не нарочно...

– Катька! – изумленно вскрикнула Ирина, узнав по голосу свою подругу Катю Дронову. – Катерина, неужели это ты?

– Ой! – Катя села прямо на асфальт. – Ирка! А я тебя не узнала в темных очках! И еще этот костюм...

– Что – костюм? – удивилась Ирина.

– Костюм новый и сидит на тебе отлично, – сказала снизу Катерина без всякой зависти, – цвет тебе очень идет, правильно его выбрала, тут главное с оттенком не ошибиться...

Ирина тут же подумала, что вкус у Катьки, конечно, есть, и чувство цвета, и все остальное – раз она художник, но вот сама она одеваться совершенно не умеет. Вот и сейчас – весна ведь, всем хочется выглядеть понаряднее, а на подруге уж такой балахон, что поискать.

Они собрали многочисленные Катькины пакеты, Ирина попыталась отряхнуть серую хламиду.

– А, брось! – Катя махнула рукой. – Это же пыльник! Пыльник – это чтобы пыль собирать, значит, пыли на нем не должно быть видно!

Ирина отвернулась, чтобы не засмеяться, – Катька в своем репертуаре!

– Я так рада тебя видеть! – болтала Катя. – Слушай, да мы же почти месяц не виделись!

– А чего ж ты не звонила? Я-то знаю, что когда ты работаешь, то отключаешь телефон...

– Я звонила, – оправдывалась Катя, – а у тебя включен бездушный автоответчик. «Ах, Ирине Снегиревой звоните с девяти до часу!» Безобразие какое! А если я работаю по ночам, а...

– А до часу ты спишь, – рассмеялась Ирина, – знаю уж...

– И очки темные нацепила, – беззлобно подсмеивалась Катя, – тоже мне, знаменитая писательница детективов. Читала твоё интервью в газете! И по телику смотрела.

– Ты же телевизор никогда не включаешь.

– Тетка позвонила, кричит, включай скорее телевизор, там такое передают! – рассказывала Катерина. – Я уж думала – не дай Бог, какой акт террористический или государственный переворот, а там ты в ток-шоу участвуешь!

– Слушай, что мы встали посреди дороги! – спохватилась Ирина. – Давай зайдем куда-нибудь, посидим... Вот тут рядом... – Она кивнула на вывеску кафе.

– Слушай, мне жутко некогда! – отмахнулась Катя, и Ирина изумленно вылупила глаза.

Чтобы Катька отказалась от еды? Да они с Жанной, третьей их подругой, чего только не делали, чтобы заставить Катерину не есть столько сладкого и вообще есть хоть чуть-чуть поменьше, предрекая, что, если так будет продолжаться, их подруга не влезет ни в одно платье и не войдет ни в одну дверь! Все было напрасно. Даже когда Катерина почти год путешествовала по Европе и бегала там как ненормальная, посещая музеи и осматривая достопримечательности, и то она вернулась домой посвежевшая, загоровшая, но абсолютно с такой же фигурой. Даже когда Катька второй раз вышла замуж – кстати, на взгляд Ирины, весьма необдуманно и скоропалительно, и муж, профессор Кряквин, оказался убежденным вегетарианцем и ярким сторонником здорового образа жизни, Катерина и то умудрилась не похудеть. Правда, как выяснилось позже, она тайком от мужа норовила слопать в каждом попавшемся кафе бутерброд или пирожное.

И вот теперь Катерина отказывается зайти в кафе! И это при том, что они не виделись почти месяц!

Ирина внимательно поглядела на подругу. Если не принимать во внимание Катькины вечно растрепанные волосы, абсолютное отсутствие косметики и жуткий бесформенный балахон цвета крысиной шерсти в период весенней линьки, Катерина выглядела как всегда. Немножко осунулась, и под глазами темные круги, но это от усталости.

– Что так смотришь, думаешь, не заболела ли я? – усмехнулась Катя.

– Сейчас же говори, что у тебя стряслось! – строго сказала Ирина. – Я тебя все равно не отпущу!

– Ну ладно, – Катя взглянула на часы, – минут сорок у меня еще есть.

И они дружно свернули в сторону кафе.

– Ирка, ты не представляешь, что со мной произошло! – заговорила Катя, когда заказала два бутерброда с ветчиной, кусок торта со взбитыми сливками и корзиночку с фруктами.

Ирина вначале обрадовалась – перед ней была прежняя Катька, но потом не выдержала и нахмурила брови, тогда Катерина отказалась от калорийного капучино и взяла просто черный кофе без сахара. Поглядев на Ирину в ожидании одобрения своему героическому поступку, Катя, конечно, никакого одобрения у подруги не нашла, но не расстроилась, а начала обстоятельный рассказ.

– Сплю я как-то утром, вдруг звонок телефонный. Ну так трезвонили, что пришлось вставать.

Ирина кивнула: она-то знала, что утром Катерину не разбудишь, даже если выстрелить под окном из пушки. Если уж удавалось совершить кому-то такой подвиг, то на этого человека изливался поток Катькиной утренней злости. Ирина представила, что Катерина высказала неизвестному телефонному абоненту. Выходило, что ничего хорошего.

– Ну, взяла я трубку, думаю, если не туда попали, то не знаю, что сделаю! – рассказывала Катя. – Оказалось, как раз я им и нужна. Срочно, говорят, Катерину Дронову требуется к телефону! Я – на часы, а там – восемь утра! Я и рассвирепела, вы что, говорю, с ума сошли, в такое время творческого человека беспокоить? И даже не извинились, а видишь ли, им срочно! Там баба какая-то немного спеси поубавила – извините, говорит, не думали, что в такое время для вас рано! Какое такое время, отвечаю, не знаю, как вы, а я не на заводе работаю, так что встаю не рано, уж извините за прямоту.

– Ты, Катерина, нервная какая-то стала, – заметила Ирина, – нельзя же так с незнакомым человеком разговаривать...

– Ты слушай, что дальше было! – перебила Катя. – Значит, тетка мне и отвечает в таком духе, что она тоже не на ткацкой фабрике работает и не к семи на работу ходит. А работает

она в художественной галерее «Арт Нуво», и рабочий день у них начинается в половине одиннадцатого. А сейчас второй час дня, так что она никак не думала, что меня побеспокоит. Как я погляжу на будильник, а он, оказывается, стоит давно! А я все сплю и сплю...

– Ну ты и спать! – изумилась Ирина. – А что дальше-то было?

– Значит, разобрались мы, потом та дама и говорит, что меня приглашают участвовать в выставке «Грани женственности» и если я согласна, то нужно сейчас же приехать к ним для обсуждения.

– Слушай, но это же здорово! – восхитилась Ирина. – У тебя же еще ни разу не было выставки!

– Да, представляешь, – захлебывалась Катя, – это тебе не то что одну-две работы сунешь куда-нибудь, там их и не видно среди общей массы. А тут не персональная выставка, конечно, нас трое, но все равно повезло мне!

– Я читала в журнале каком-то, «Арт Нуво» – очень престижная галерея. Катька, у тебя дела теперь пойдут в гору!

– Эх, жалко выпить шампанского нельзя, – вздохнула Катя, – мне еще сегодня в выставочную комиссию надо, ну, на открытии уж оттянемся как следует!

Она обрадовалась подошедшей официантке, как родной, и тут же закусила бутерброд.

– Одного не пойму, – спохватилась Ирина, – чего же ты раньше-то не сказала, радостью не поделилась?

– Сглазить боялась, – сообщила Катя, – сама знаешь, какая я в этом плане невезучая...

Ирина согласилась. Действительно, Катины панно хоть и были, на ее взгляд, выполнены с большой фантазией и вкусом, почему-то плохо покупались. Их общая подруга Жанна со свойственной ей прямоотой заявляла, что Катька просто ленива, работает медленно и что если бы она, Жанна, каждый раз, когда в ее нотариальную контору обращается перспективный клиент, ждала, когда ее посетит вдохновение, то давно уже протянула бы ноги и положила зубы на полку. Ирина, конечно, помалкивала, но в глубине души была с Жанной согласна в том смысле, что Кате нужно быть с собой построже. Мало ли что не хочется сегодня работать! А ты себя заставь... Но она не вмешивалась, потому что точно знала, что скажет на это Катя. Дескать, Ирина слишком рассудочная, холодная, всегда сначала подумает, а потом уже что-то делает, все знает наперед, никогда не отступает от намеченной цели и так далее. Разговор обязательно закончится ссорой, а этого Ирина как раз не хотела.

– Тут, понимаешь, какая штука оказалась, – заговорила Катерина с набитым ртом, – я потом у девочек в галерее выяснила. Они решили выставку устроить трех прикладных художниц. Какая-то бабуля с вышивками, потом баба одна, у нее металлоконструкции разные, а вместо меня была одна дама, она ткет ручным образом художественные холсты по старинному вологодскому рецепту. Самое главное, что их нужно белить на первой росе... или, кажется, на первом снегу, точно не помню, но только обязательно босиком!

– Красивые холсты? – оживилась Ирина.

– Не знаю, – отмахнулась Катя, – я их никогда не видела. Но это сейчас модно – ручная бумага, ручная керамика, ручные холсты, старинные рецепты... Короче, эта дама приготовила кучу холстов для выставки, а тут к ней приехали невестка и внуки – близнецы шести с половиной лет.

– Из Вологодской области? – понимающе спросила Ирина.

– Кажется. В общем, двое малолетних бандитов залили бабушкины холсты фиолетовыми чернилами. Невестка испугалась и постирала холсты в стиральной машине, причем решила, что раз холстина, то нужно стирать, как постельное хлопчатобумажное белье – активный отжим и кипячение. Опять же понадеялась, что чернила отстираются.

– Ужас какой! – вздохнула Ирина.

– Ужас был, когда они вытащили из машины комок сиреневых ниток, и больше ничего, – сообщила Катя.

– Я бы на месте свекрови эту невестку вместе с бандитами самих запихнула в стиральную машину! – фыркнула Ирина.

– Наверное, она тоже хотела, – согласилась Катерина, – но не успела, от расстройства в больницу попала с нервным припадком. Новые холсты ей до выставки уже никак не сделать – ведь придется ждать первого снега. Жалко тетку, но мне зато повезло.

– Да уж...

Катя вдруг заторопилась, благо за разговором вся еда незаметно оказалась съедена.

– Завтра работы отвозить, а у меня еще конь не валялся, – сообщила она, – а потом три дня буду посвободнее, созвонимся.

Ирина поглядела вслед круглой Каткиной фигуре в дурацком балахоне и поняла, что если они с Жанкой немедленно не вмешаются, подруга их будет выглядеть на выставке как пугало. Конечно, в художественный процесс они вмешиваться не будут, Катерина сама знает, как и что ей изображать на своих панно, но вот заняться Каткиным внешним видом просто необходимо.

Катя вихрем ворвалась в свою квартиру. В мастерской ее дожидалась последняя неоконченная работа, которую уже завтра нужно было отвезти на выставочную комиссию!

Собственно, панно было уже практически закончено, но Катю что-то в нем не устраивало, чего-то не хватало... вот и сейчас, вбежав в мастерскую и включив яркий верхний свет, она тяжело вздохнула. Панно красовалось посреди мастерской, натянутое на специальную раму. На нем были изображены два всадника, медленно едущие через ночной сад, точнее – всадник и всадница, прекрасный восточный принц в серебристой чалме и расшитом золотом наряде и красавица с миндалевидными глазами, томно поднятыми к небу. Арабские скакуны застыли, изогнув лебединые шеи и косясь на седоков. Казалось, от панно исходит пряный аромат южной ночи, слышится пение соловья... Но чего-то все равно не хватало!

Катерина схватила за голову. Нужна была еще какая-то деталь, чтобы работа получила законченный вид, какая-то яркая деталь!

Обведя взглядом мастерскую и не найдя совершенно ничего подходящего, Катя решилась на ужасное преступление. Она воровато огляделась по сторонам и прокралась в кабинет своего мужа.

Собственно, красться не было никакой необходимости. Катин муж, профессор Кряквин, не услышал бы ничего, даже если бы она топала как слон и исполняла по пути в его кабинет обрядовые песни народов Севера, сопровождая их игрой на шаманском бубне. Профессор Кряквин находился очень далеко, в другом полушарии, и Катя даже не знала точно, на территории какого государства. Дело в том, что профессор занимался исследованием языков, традиций и верований африканских племен, и в настоящее время он кочевал по необозримым африканским просторам с племенем мгвангбе из племенного союза моси. Профессор очень понравился вождю, и его приняли в племя, что давало возможность написать новую главу в большой книге, над которой Кряквин работал последние годы. Муж ничего не сказал Кате заранее, поставил ее перед фактом, он просто не вернулся из экспедиции в Африку. Вспомнив про то, как читала его письмо в аэропорту, Катя закусила губу от привычной обиды. Впрочем, сейчас некогда об этом думать, у нее срочное дело.

Муж строго-настрого запрещал Кате что-нибудь трогать у себя в кабинете, он много раз говорил ей об этом – в кабинете хранилось множество произведений африканских народных промыслов, представляющих большую научную ценность, но одержимая творческим жаром художница забыла об этих запретах. Она ворвалась в кабинет и застыла на пороге.

Стены кабинета украшали многочисленные африканские маски, луки из твердого дерева и из рогов антилопы, колчаны со стрелами, боевые щиты из толстой и прочной шкуры гиппопотама, копья-ассегаи с широкими разукрашенными наконечниками. На столе красовались фигурки из черного дерева – удивительно изящно вырезанные изображения зверей, людей и фантастических чудовищ. На полу лежали шкуры экзотических зверей. Все это профессор Кряквин привез из своих многочисленных путешествий.

Но Кате нужно было не это. Прямо с порога она устремилась к большому расписному сундуку, до краев наполненному разными африканскими безделушками. Она не сомневалась, что среди них отыщет что-то подходящее, что-то такое, что придаст ее панно окончательную завершенность.

Чего только не было в сундуке профессора! Видимо, здесь лежало все то, что он еще не успел разобрать по недостатку времени – глиняная и медная посуда, оловянные и серебряные браслеты, бусы и ожерелья, ножи с резными ручками из черного дерева и слоновой кости, украшения и головные уборы из перьев страуса и каких-то других экзотических птиц, фигурки африканских божков, удивительные музыкальные инструменты. Катя с любопытством взяла в руку глиняную свистульку в форме фантастического двухголового животного и осторожно дунула в нее. Вместо обычного свиста раздался леденящий душу вой, похожий на голодное завывание какого-то хищного зверя, и Катя в испуге отбросила свисток.

Она перерывала содержимое сундука, не очень представляя, что именно надеется найти, но рассчитывая на свою интуицию художника.

И когда в сундуке почти ничего не осталось, а рядом с ним на полу выросла огромная груда яркого хлама, Катя увидела то, что искала.

Интуиция не подвела ее.

На самом дне сундука лежали два крупных лиловых камня, испускающих удивительное живое сияние.

Катя ахнула. Это было именно то, чего ей не хватало. Она схватила камни и бросилась в свою мастерскую. Мазнув камни специальным клеем, приложила их к верхней части панно, над головами всадников...

Вот теперь это было то, что надо! Камни как будто оживили всю композицию. Восточная ночь задышала, наполнилась птичьим щебетом и журчанием ручейка, арабские кони, казалось, переступили копытами и негромко фыркнули. В небе загорелись две удивительные лиловые звезды. Кажется, арабы называли их Мицар и Алькор, Катя не была в этом уверена, но красивые арабские названия удивительно подходили этим живым звездам...

Катя несколько минут неподвижно стояла, любуясь своим панно. Теперь она была за него спокойна, работа удалась, больше того, она не сомневалась, что это панно – лучшее ее произведение и станет главным экспонатом ее части выставки, а может быть – и украшением всей выставки.

Она вспомнила, что устроила настоящий разгром в кабинете мужа, и бросилась наводить порядок. Только глубокой ночью закончила все дела и отправилась спать, предварительно погасив свет в мастерской. В темноте две лиловые звезды на ее панно лучились странным, фантастическим светом.

– Ну и когда же открывается выставка? – спросила Жанна, едва пригубив сухое вино.

Она, как всегда, была за рулем и позволяла себе лишь несколько глотков легкого спиртного.

– Ой, девочки! – Катерина всплеснула руками. – Через три дня! Сегодня, завтра и послезавтра, – она загибала пальцы, – и послепослезавтра в четыре часа выставка открывается! Я так волнуюсь, так волнуюсь, вы себе просто не представляете! – И Катерина сделала то самое, что она делала всегда, когда волновалась: начала усиленно есть.

Надо сказать, что ела она, не только когда волновалась и переживала: Катька ела, когда радовалась или боялась, скучала или веселилась. Она ела меньше, только когда работала, оттого-то Жанна и рекомендовала ей работать побольше – и денег, мол, заработаешь, и похудеешь малость. Катерина привычно отговаривалась тем, что она творческая натура и не может работать по заказу.

Подруги внимательно поглядели, как Катерина уничтожает четвертый по счету кусок ветчины, заедая его маринованными огурцами и корейским салатом из бамбука, и дружно показали головами. Потом Катька намазала булку неприлично толстым слоем масла, сверху положила здоровенный шмат красной рыбы и призадумалась, оглядывая стол. Жанна дернулась было, но Ирина придержала ее за руку. Катерина просветлела лицом, схватила веточку петрушки и всунула ее в бутерброд для красоты. Откусила огромный кусок, и на лице ее отразилось самое настоящее блаженство. Жанна с Ириной переглянулись и поняли, что если они немедленно не вмешаются, будет поздно.

– Катерина, остановись! – закричала Жанна. – Это же просто смотреть невозможно!

Катька поскорее запихнула в рот остальной бутерброд.

– Что ты как с голодного края! – вступила Ирина.

– Это вы как цепные собаки! – разозлилась Катька, которой испортили все удовольствие. – Что вы на меня набросились? Знаете, как я работала все эти дни! По двенадцать часов в сутки!

– Молодец! – Ирина решила разрядить обстановку. – Не зря старалась. И сейчас нужно думать не о еде, а совершенно о другом.

– Вот именно! – вступила Жанна. – Так что кончай расслабляться и есть.

– Как это? – Катерина заморгала глазами. – У меня еще торт есть, сейчас чай будем пить!

– Забудь! – хором приказали подруги.

– Это почему это? – Когда Катерину лишали сладкого, она становилась очень агрессивна.

– Слушай, погляди на себя в зеркало! – не выдержала Жанна. – Ты что, собираешься в таком виде идти на выставку? Катька, да тебя лошади испугаются, не то что посетители!

– Ну уж, – Ирина решила смягчить резкие слова, – не совсем так, конечно, но все же, Катюша, нужно что-то сделать с волосами. То, что у тебя на голове, прической считать никак нельзя.

– Дикобраз после электрошока! – фыркнула Жанна.

Катя обиженно заморгала, и Жанна слегка усовестилась.

– Ладно, кофе у тебя есть? Сама заварю! – Как всякая армянская женщина, она очень трепетно относилась к изготовлению божественного напитка и превращала этот процесс в священнодействие.

Пока ее не было, Ирина проявила слабость и позволила Кате съесть кусок сыра. Правда, только один и с большими дырками. Было слышно, как Жанка говорила на кухне по мобильному телефону.

– Все устроено! – объявила она, внося поднос с чашками и джезвой. – С утра перед выставкой идешь к Марианне, она тебя пострижет и уложит, а перед этим я записала тебя к Танечке, косметологу. Она сделает массаж лица и омолаживающую маску, морщины разгладит.

– У меня нет никаких морщин! – возмутилась Катя.

– Это тебе так кажется, – усмехнулась Жанна, – вообще-то нужно бы еще к визажисту...

– Ой, не надо! – Катерина замахала руками. – Разрисуют меня, как стенку в лифте...

– Пожалуй, и правда... – нерешительно протянула Ирина, – только с бровями нужно что-то обязательно сделать.

– А что брови? – встрепенулась Катя.

– Это не брови, а две зубные щетки! – безжалостно сказала Жанна. – Причем изрядно облысевшие от долгого употребления! Ведь говорят же, что зубную щетку нужно менять не реже чем раз в три месяца, а брови...

– Тоже менять? – испугалась Катя.

– Выщипывать! И придавать форму!

Косметолог Танечка оказалась полной улыбчивой женщиной. Она встретила Катю, как дорогую гостью, тут же уложила на кушетку и лишила возможности передвигаться. Катя только диву давалась, сколько времени, оказывается, можно заниматься ее лицом. Танечка наносила различные кремы и разглаживала Катино лицо ласковыми руками. В кабинете играла тихая музыка, и Катя понемногу начала задремывать. Очнувшись, она, когда Танечка, нанеся особенно толстый слой какой-то ароматной субстанции, замотала лицо Кати прозрачной пленкой, какой в буфете оборачивают бутерброды, так что открытыми оставались только ноздри и рот. Танечка поглядела на свою работу, покачала головой и решительно заклеила еще и рот Кати. Затем она вышла из кабинета, велев клиентке лежать тихо и не опускать подбородок. Куда уж его опускать, когда он тоже был намертво прихвачен слоем пленки. Катя моргнула глазами в знак того, что слышит, и тихонько задышала, покорившись судьбе.

В комнате было тихо, даже музыка куда-то пропала. Кате было скучно за ширмой, и тут в кабинет кто-то вошел и окликнул Танечку. Поскольку та не отозвалась, дама вышла было, но тут же заскочила снова, да не одна, а с приятельницей. Обе дамы были так увлечены разговором, что им и в голову не пришло проверить, есть ли кто за ширмой.

– Нет, ну ты представляешь! – кипятилась одна. – Это просто ни в какие ворота не лезет! Что она себе позволяет, интересно знать? Ведь до чего дошла – увела у Свиристицкой любовника прямо у всех на глазах! Это просто совершенно ни на что не похоже!

– Это когда же? – заинтересовалась вторая дама.

– Ой, да ты же ничего не знаешь! – спохватилась первая. – Ты же только вчера с Майорки! У Свиристицкой новый любовник – чудный мальчик из провинции, молодой и абсолютно не испорченный. В общем, на той неделе Свиристицкая справляла свой непонятно какой день рождения в «Имперiale», и *эта* тоже туда приперлась! Главное, Свиристицкая сама ее пригласила! Праздник идет своим чередом, а Свиристицкая, как обычно, в конце напивается в зюзю и начинает скандалить со своим бывшим мужем.

– Баранкиным? – оживилась вторая собеседница.

– Какой Баранкин? – оторопела первая. – Ты все перепутала! Баранкин – это первый муж Аньки Лапченок, а у Свиристицкой у мужа фамилия какая-то деревянная... сейчас скажу...

– Скамейкин! – радостно завопила другая дама.

– Да нет же, вовсе не Скамейкин, а Коромыслов! – укоризненно сказала первая. – Слушай, у меня такое чувство, что ты не две недели на Майорке загорала, а два года, ничего не знаешь!

Вторая дама пристыженно молчала.

– В общем, пока Свиристицкая выясняла отношения со своим Коромысловым, *эта* притворилась, что выпила лишнего и буквально заставила Стасика, любовника Свиристицкой, отвезти себя домой. Когда все знают, что больше рюмки она никогда не выпьет, потому что всегда за рулем! Ну а потом уж она Стасика так прибрала к рукам, что он на Свиристицкую и смотреть не захотел. Да я сама позавчера видела Стасика с *этой*!

– Что они все в ней находят? – вздохнула вторая дама. – Ну смотреть же не на что – черная, худая да еще нос как у вороны.

– Господи, да уж не красоту! – возопила первая. – Знаешь, сколько денег при ее профессии можно огрести? А уж она-то, будь спокойна, каждого клиента ощиплет, как курочку!

Катя за ширмой почувствовала смутное беспокойство и стала более внимательно прислушиваться к разговору.

– Но Свиристицкая этого так не оставит, она мне сама говорила! – злилась более осведомленная дама. – Она задумала страшную месть! Подошлет к ней клиента и подловит эту стерву на черной наличке! А потом напустит на нее налоговую инспекцию! У нее же там огромные связи! Если ее лицензии не лишат, то нервов потреплют и денег придется кучу отстегнуть! Будет знать, как чужих любовников отбивать!

«Это же они про Жанку говорят! – внезапно подумала Катя. – Ведь все сходится – она постоянно за рулем, потому не пьет совсем, любовников вечно меняет, причем предпочитает совсем молодых, и у нотариуса могут отнять лицензию! Опять же брюнетка, худая и с большим носом! Да еще она в этом салоне часто бывает, ее все знают!»

Дамы посудачили еще немного и вышли, очень недовольные продолжительным отсутствием Танечки. Катерина решительно спустила ноги с кушетки, намереваясь найти телефон и немедленно позвонить Жанне, чтобы была осторожнее, но ее благим намерениям не суждено было осуществиться. В комнату стремительно вошел невысокий, хрупкого вида молодой человек в розовом коротком халатике и ласково спросил:

– Лапочка, это вашу голову просили привести в порядок?

Катя неуверенно кивнула.

– Чудненько! – обрадовался молодой человек. – У меня как раз есть свободное время. И вам, лапочка, как я погляжу, здесь делать нечего, так что совместим приятное с полезным! – Он деликатно хихикнул.

Катерина, подталкиваемая мягкими, но настойчивыми руками молодого человека, украшенными светло-розовым маникюром, послушно дала себя увести в другую комнату. Там было зеркало во всю стену и вертящееся парикмахерское кресло. Молодой человек разлохматил и без того встрепанные Катины волосы и критически оглядел ее со всех сторон.

– Та-ак, – пропел он. – Лапочка, тут есть над чем поработать. Думаю, прежде всего нужно изменить цвет.

Катя пыталась сказать, что цвет как раз нужно оставить как есть, а волосы просто подстричь и уложить, но проклятая пленка намертво прилипла к губам, так что она могла издавать только нечленораздельное мычание. Молодой человек замотал ее простыней, так что руки тоже оказались накрепко прижаты к телу, и Катя не могла объясняться языком жестов. Двигаясь вокруг своей жертвы крадущимися шагами, слегка пританцовывая, мастер что-то делал с ее волосами – надевал какие-то штуки на отдельные пряди, что-то смешивал и толкал в фарфоровой ступке, потом разбавлял все это странной жидкостью из большой непрозрачной бутылки, наливал в три разные мисочки и намазывал их содержимым Катины волосы по очереди. Бедная Катерина отчаялась что-то понять и покорила судьбе.

– «Девочкой своею ты меня назови! – звонко напевал мастер. – А потом обними, а потом обмани...»

Поймав в зеркале Катин удивленный взгляд, он кокетливо рассмеялся и послал ей воздушный поцелуй. Чтобы не видеть безобразия в зеркале, Катя прикрыла глаза и стала перебирать в уме невольно подслушанный ею разговор двух дам. Главное – это все в точности передать Жанне, уж она примет меры, а то как бы и вправду не устроили ей неприятности по работе.

Так прошло минут сорок, молодой человек куда-то ненадолго отлучился, потом вернулся вместе с Танечкой, которая потеряла клиентку и очень обрадовалась, когда Катя нашлась. Дальше все было очень быстро. Размотали пленку, отчистили лицо, молодой человек, которого звали Леликом, мигом постриг и причесал Катю.

– Прошу! – сказал он, ловко снимая простыню. – Любуйтесь!

Катя открыла глаза и уставилась в зеркало. С зеркалом творилось что-то странное. Вместо Кати Дроновой там отражалось существо непонятного пола с разноцветными волосами. На темно-рыжем фоне в живописном беспорядке располагались розовые и сиреневые пряди.

– Ой! – пискнула Катя, и монстр в зеркале тоже дернулся и прижал руки к пылающим щекам.

– Нравится? – заулыбался Лелик. – Уж я постарался.

Катя осторожно повернула голову и снова поглядела в зеркало. Она не могла не признать, что оттенки подобраны со вкусом. Другое дело, что на ее голове такие цвета смотрелись как-то необычно... может быть, в оперении райской птицы они были бы более уместны... Лицо Танечки было каменным, она-то прекрасно помнила, что Катерину нужно было после массажа отвести к Марианне, и ожидала, что клиентка сейчас начнет скандалить. Катерина же просто потеряла дар речи. К тому же она ужасно устала с непривычки. Потом она взглянула на часы и поняла, что жутко опаздывает, Жанна обещала подхватить ее возле салона и отвезти домой. Катя махнула рукой, улыбнулась Лелику и решила оставить все как есть, тем более все равно ничего уже не изменишь.

Жаннин автомобиль стоял чуть поодаль, из окна выглядывала озабоченная Ирина. На Катю она не обратила внимания – не узнала в таком виде.

– Девочки, – сказала Катерина, неизвестно отчего чувствуя себя виноватой, – вот же я...

Подруги уставились на нее, выпучив глаза и разинув рот. Жанна опомнилась первая. Она закрыла рот, потом снова его раскрыла, чтобы выдать такое, отчего у Кати покраснели и без того малиновые щеки.

– Это конец! – обреченно сказала Ирина.

– Зачем ты, дубина стоеросовая, пошла к Лелику? – бушевала Жанна. – Я же записала тебя к Марианне, все было бы скромненько и со вкусом!

– Это случайно, – лепетала Катя, – он перепутал, а я не могла ничего сказать, у меня рот был заклеен...

– Пойду хоть поскандалю! – Жанна сделала попытку вылезти из машины.

– Некогда! – решительно сказала Ирина. – Нужно еще одежду к этим ультрафиолетовым волосам подобрать!

Дома стало ясно, что катастрофа неминуема. К новой Катиной прическе совершенно нельзя было надеть шикарный терракотовый костюм, купленный не так давно по рекомендации Жанны в бутике «Венеция». Костюм обошелся в общем-то не так и дорого, поскольку был заказан богатой покупательницей и не подошел ей. Продать же костюм такого размера клиенткам дорогого бутика было никак не возможно. И вот тут очень кстати в бутике появилась Катерина.

Жанна с Ириной очень рассчитывали на этот костюм, это была единственная действительно приличная вещь в Каткином гардеробе. И вот теперь все их надежды пошли прахом.

– Полный облом! – Жанна плюхнулась на диван и нервно закурила.

– Купить ничего уже не успеем, – сокрушалась Ирина. – Катька, да прекрати ты есть, до того ли сейчас!

– С утра маковой росинки во рту не было! – огрызнулась голодная Катька. – Голова кружится, еще в обморок на выставке упаду! А вы только нервируете!

Подруги усовестились и решили перебрать все Катины вещи, потому что больше ничего не оставалось.

Ревизия Каткиного гардероба привела их в привычный ужас. Вещей-то было полно, потому что Катя долгое время колесила по Европе и покупала там одежду на распродажах и в недорогих магазинчиках. В основном она руководствовалась одним принципом: чтобы было удобно. Посему кучей валялись у нее в шкафу длинные трикотажные свитера всевозможных

расцветок, свободные хлопчатобумажные брюки, необъятные джинсовые сарафаны и замшевые жилетки с бахромой в стиле кантри.

– Все не то! – в отчаянии воскликнула Ирина, выныривая из шкафа. – Показывай платья!

– Знаю я ее платья, – ворчала Жанна, – балахон какой-нибудь напялит и говорит, что это платье. Да еще цвет норовит выбрать зелененький...

– Оливковый! – обиделась Катя. – Или вот, бежевое, тоже ничего...

– Повеситься! – хором прокомментировали подруги.

– А это что? – Ирина вытащила что-то полосатое, как брюшко у шмеля.

– Ой, – обрадовалась Катка, – а я его потеряла!

Она мигом нацепила полосатое платье и покрутилась перед подругами. Платье было прямое и довольно длинное, в поперечную черную и малиновую полосу, причем черные полосы были кожаные, а малиновые – из плотного трикотажа. Платье натягивалось на Каткиной круглой фигуре, так что несведущий человек, глядя издали, мог подумать, что на даме надеты плотно штук двадцать шин от велосипеда.

– Это я в Падуге покупала на воскресном рынке! – щебетала Катя. – Дай, думаю, возьму, черное стройнит!

Подруги переглянулись: какая женщина в здравом уме может подумать, что ее будет стройнить платье в поперечную черную и малиновую полосу?

– Однако, как ни странно, – пробормотала Ирина, – только это платье подходит к Каткиной новой прическе...

– Ты с ума сошла! – Жанна замахала руками.

– Слушай, что ты на меня давишь! – возмутилась Катерина. – Я же не на экономический форум иду и не в банк на работу устраиваться! Зачем мне на выставке деловой костюм!

– Делайте как знаете! – поморщилась Жанна. – Теперь уже все равно.

Она засобиравалась на работу, Ирина тоже подхватила, оставив Катю собираться самостоятельно. Условились встретиться на открытии.

Ирина и Жанна приехали в галерею за несколько минут до официального открытия вернисажа. Предъявив пригласительные билеты, они прошли в длинный зал, уже понемногу заполнившийся публикой.

Ближе ко входу по стенам висели самых разных размеров вышивки. В основном это были репродукции известных картин, аккуратно исполненные в натуральную величину простым болгарским крестом. Поражала своими размерами тщательно вышитая копия картины Шишкина «Утро в сосновом лесу», хорошо известной каждому нашему соотечественнику по замечательным конфетам «Мишка косолапый». Рядом с этим популярным шедевром красовалась репродукция картины Серова «Девочка с персиками».

– Со школьных времен ненавижу эту картину, – прошептала Жанна.

– Я тоже, – призналась Ирина вполголоса, – однако крестики очень аккуратные...

Пройдя немного дальше, они увидели целую серию выполненных гладью портретов каких-то благообразных бородатых мужчин в церковных облачениях. Среди них затесалось несколько изображений руководителей государства. Ирина обратила внимание на портрет бывшего президента Ельцина с теннисной ракеткой в руке, вышитый цветным ирисом.

Рядом с этими впечатляющими творениями скромно стояла невысокая старушка в коричневом платье с белым школьным воротничком, с круглыми румяными щеками, напоминающими печеные яблочки, и разговаривала с высоким, представительным священником.

– Объясни мне, – негромко обратилась Жанна к подруге, – то ли я чего-то не понимаю, то ли мы ошиблись и приехали не в ту галерею. Ведь Катка говорила, что здесь будет выставка современного искусства, а такие вышитые картины были в моде лет пятьдесят назад, если не больше. Помню, моя бабушка на досуге вышивала уменьшенную копию картины «Витязь на

распутье». Она занималась этой вышивкой несколько лет, но ей и тогда не приходило в голову выставлять свое рукоделие в выставочном зале!

– Тсс! – Ирина прижала палец к губам. – Во-первых, православие – это очень актуально. А во-вторых, Катька мне все объяснила: эта старушка, автор вышивок, у нее, кстати, очень соответствующее имя – Евдокия Лукинична, так вот она в большой дружбе с отцом Онуфрием, настоятелем Коневецкого собора, и настоятель из церковных средств оплатил проведение выставки. Кажется, это с ним она сейчас разговаривает...

– А! – Жанна понимающе кивнула. – Спонсор! Ну, тогда все ясно!

Торопливо миновав произведения престарелой вышивальщицы, подруги невольно затормозили. Им показалось, что они попали в цех металлургического завода или по меньшей мере в авторемонтную мастерскую. Часть галереи, в которую они попали, была заставлена конструкциями, сваренными из стальных трубок, балок, заржавленных металлических полос и деталей от различных устройств и механизмов. Посреди этого царства металла стояла женщина лет тридцати в платье, изготовленном из блестящих алюминиевых пластин, в кожаном летном шлеме и тяжелых ботинках на десятисантиметровой платформе. Около этой дамы сгрудилась целая толпа журналистов, наперегонки щелкающих фотокамерами, протягивающих к ней микрофоны или торопливо строчащих что-то в блокнотах.

– Эта композиция, я называю ее «Последний из металлоидов», изображает мыслящего робота, выжившего после ядерной катастрофы. Это сочетание заржавленного, изъеденного коррозией металла и блестящих хромированных деталей говорит нам о противоречивых чувствах, наполняющих его душу при виде догорающих руин человеческой цивилизации... а эта цепь, которую мы видим в левой части композиции, символизирует глубокую, нерасторжимую связь последнего из металлоидов с вымершим человечеством...

– Хорошо излагает, – прошептала Жанна на ухо подруге, – а эта самая «нерасторжимая связь» в левой части мыслящего металлоида тебе ничего не напоминает?

– Ой! – восхитилась Ирина. – Это же цепочка от старого унитаза! Когда я была маленькой, бачки устанавливались наверху, под самым потолком, и сбоку свисала точно такая цепочка с фаянсовой бомбошкой, за которую нужно было дернуть, чтобы спустить воду!

– Точно! – подтвердила Жанна. – Интересно, где она эту цепочку раскопала? Их, наверное, уже лет сорок нигде не бывает!

Журналисты, плотным кольцом окружавшие «железную леди», ловили каждое ее слово и непрерывно фотографировали.

– Это и есть Антонина Сфинкс, – прошептала Ирина. – Великая и ужасная! А самое ужасное в ней то, что она сейчас с Катькиным бывшим мужем...

– Что – сейчас? – переспросила Жанна.

– Ну ты, Жанка, прямо как с луны свалилась! Совершенно не интересуешься жизнью богемы! Она живет с ним...

– Замужем за ним, что ли?

– Ну, не то чтобы совсем замужем, но практически да.

– Пойдем тогда скорее отсюда, нам тут нечего делать! – Жанна пригнулась, как опытный солдат под обстрелом, и проскользнула мимо Антонины и окружающих ее журналистов.

Следующая часть галереи была отведена под Катину экспозицию.

По стенам были развешаны яркие панно, после металлоконструкций Антонины Сфинкс показавшиеся подругам особенно привлекательными. Особенно красивым было одно, изображавшее двух всадников, мужчину и женщину, медленно едущих на арабских конях по ночному саду. Над головой прекрасных всадников сияли две лиловые звезды, свет которых наполнял всю картину.

Катя стояла под этим панно и грустно оглядывалась. Возле нее не было ни зрителей, ни журналистов. Ее разноцветная прическа, напоминающая веселый светофор, удивительно контрастировала с печальным выражением лица, и даже полосатое платье не спасало.

– Ой, девочки, хорошо, хоть вы пришли! – обрадовалась она при виде подруг. – А то я стою тут в гордом одиночестве, как стойкий оловянный солдатик...

– А теперь мы будем как три тополя на Плющихе, – ляпнула Жанна.

Ирина толкнула ее кулаком в бок и жизнерадостно защелкала:

– Не переживай, Катюша, еще просто мало людей пришло, выставка только открывается! Скоро набегут и зрители, и журналисты, яблоку негде будет упасть! А твои работы лучше всех, никакого сравнения! Так что тебе гарантированы самые блестящие отзывы!

– Не утешай меня, – вздохнула Катерина. – Я же вижу, какая толпа возле Тонькиных железок... скажи честно – тебе-то самой мои панно нравятся?

– Очень! – искренне воскликнула Ирина. – Они такие жизнерадостные, такие яркие! У меня как-то сразу легче стало на душе! Особенно мне вот это нравится. – И она показала на всадников.

– Правда? – Катя зарделась. – Это самое последнее, я его буквально накануне выставки закончила... оно мне и самой больше всех нравится! Правда, последняя работа всегда кажется самой лучшей...

– Ну и хорошо! – с напускной жизнерадостностью воскликнула Ирина. – Самое главное, чтобы тебе самой нравилось! Мнение равнодушной толпы ровным счетом ничего не значит. Художник – сам высший судья своим творениям. Не помню, кто это сказал...

– Наверняка какой-нибудь неудачник, которого обошли ежегодной премией... – проворчала Катя. – Хорошо тебе говорить, твои книжки расходятся большими тиражами, и пресса тебя замечает, а ко мне хоть бы один журналист подошел... а вон, посмотри, вокруг Антонины журналисты так и вьются... что они находят в ее ломаных мясорубках?

– Подержанных газонокосилках! – подхватила Ирина.

– Вышедших из строя унитазах! – внесла свою лепту Жанна.

– А все-таки около нее толпа... – вздохнула Катя. – Девочки, а что она все время на меня шипит, как беременная кобра, прямо ядом плюется?

– Ну, Катя, я просто поражаюсь твоей наивности, неужели ты не понимаешь? – фыркнула Жанна. – Ведь твой бывший теперь с ней...

– Ну и что? Вот если бы наоборот – тогда еще можно понять... и вообще, мы с Шуриком очень мирно расстались... совершенно без скандала, как интеллигентные люди...

– Ты так считаешь? – возмутилась Жанна. – Ты уже забыла, что он тебя загнал в глухую, дремучую коммуналку! Твой Шурик – самый настоящий козел и первостатейный жлоб!

– Да ладно, я на него зла не держу! Тем более теперь я замужем, у меня все хорошо! У меня есть Валик...

Жанна хотела сказать, что муж, годами кочующий по африканским саваннам с дикими племенами, вряд ли то, о чем мечтает каждая нормальная женщина, но Ирина заблаговременно прочла ее мысль и ткнула локтем в бок. Жанна охнула и покосилась на подругу, буркнув недовольно что-то насчет некоторых тетех, святость которых граничит с глупостью.

– А кто это там приехал? – оживленно проговорила Ирина, чтобы перевести разговор на менее опасную тему.

Возле входа в галерею действительно наметилось явное оживление. К дверям с озабоченным видом пробежал администратор, откуда-то появились крепкие ребята с профессионально непроницаемыми лицами, журналисты покинули Антонину Сфинкс и потянулись ко входу.

Двери широко распахнулись, и в зале в окружении небольшой свиты появился высокий черный человек.

– Это атташе по культуре Кот-де-Леона, – прошептала Ирина, – в газетах писали, что он собирается посетить эту выставку.

– Какой кот? – удивленно переспросила Катя.

– Тундра! Это страна такая в Африке – Кот-де-Леон! Уж тебе стыдно не знать, у тебя же муж – главный специалист по Африке...

– Действительно... – Катя расстроилась. – А ведь у меня самой в школе была пятерка по географии, но что-то я такой страны не помню... А этот атташе очень прилично выглядит и одет в смокинг, а не в национальный костюм из шкур и перьев...

Атташе неторопливо прошел мимо ностальгических вышивок, ненадолго задержался возле металлоконструкций Антонины Сфинкс и наконец подошел к Катериной экспозиции. Вслед за ним двигалась небольшая группа его сотрудников, чуть сзади держались журналисты. Но атташе, конечно, очень выделялся среди своего окружения и вообще среди всех посетителей выставки. Он выделялся среди них, как породистый арабский скакун среди заморенных кляч, как борзая среди стаи дворняжек.

Он был высок и строен, как пальма. Он был черен, как безлунная африканская ночь. Отлично сшитый смокинг облегал его как вторая кожа. Зубы атташе сверкали, как тридцать две превосходные жемчужины. Белки его глаз отливали предрассветной голубизной.

Неожиданно атташе замер перед панно с двумя всадниками в благоухающем ночном саду и возбужденно заговорил на незнакомом гортанном языке. В его монологе постоянно повторялись два слова: унга вароси. Может быть, они звучали не совсем так, но ничего более похожего европейский слух трех подруг не мог изобразить.

Заметив явный интерес высокого гостя, журналисты тоже оживились. Они принялись торопливо снимать Катины работы, а заодно и саму художницу. Рослый телевизионщик в потертом джинсовом костюме забегал вокруг Катерины с огромной камерой. Ирина скосила глаза на Антонину Сфинкс и увидела, что «железная леди» перекосилась, как будто по ошибке проглотила целый лимон.

Переводчик, сопровождавший атташе, кругленький лысый толстячок с нездоровым желтоватым лицом, прилепил на физиономию неподвижную дежурную улыбку и заговорил, обращаясь почему-то к Ирине:

– Господин атташе выражает вам свое искреннее восхищение. Ваши замечательные произведения поразили его своей поэтичностью и художественной глубиной...

– Это не мои произведения. – Ирина вытолкнула вперед раскрасневшуюся от смущения, ожесточенно сопротивлявшуюся Катерину. – Вот автор этих панно, художница Екатерина Дронова.

Журналисты с новой силой защелкали камерами и заскрипели перьями. Переводчик, несколько не смутившись, повернулся к Кате и продолжил с той же приклеенной улыбкой:

– Особенно господину атташе понравилась вот эта работа, на которой изображены два всадника...

– Унга вароси! – взволнованно перебил атташе переводчика и добавил что-то вроде «детуаль».

– Это по-французски, – шепнула Катя, – означает «блуждающие звезды».

– Уж как-нибудь мы и сами поняли, хоть французского не знаем, – сердито сказала Жанна.

– А как он догадался, что композиция называется именно так? – удивилась Катерина.

– А ты спроси, – ехидно посоветовала Жанна.

Катя послушно заговорила с атташе по-французски. Он сверкнул белозубой улыбкой, и они с Катей углубились в живейшую беседу.

– Интересно, зачем ему переводчик с африканского, если он так хорошо говорит по-французски? – прошептала Ирина на ухо Жанне.

– Положено по статусу! – ответила подруга и добавила: – Ну, Катке повезло! Такой пиар! Во все газеты попадет!

– Это мое последнее произведение, – еле слышно от смущения ответила Катя, обращаясь к белозубому атташе и журналистам, – я закончила его буквально накануне открытия выставки...

Атташе снова заговорил по-своему, и переводчик поспешно перевел:

– Господин атташе интересуется, когда госпожа Дронова побывала в его стране, Кот-де-Леоне.

– Никогда, – честно призналась Катерина, – я в Африке ни разу не была. Хотя очень хочу...

Атташе понял ее без перевода. Он пожал плечами и изобразил на лице глубокое неодобрение. Должно быть, в его глазах человек, не побывавший в его родной стране и вообще в Африке, не достоин его высокого внимания. Во всяком случае, он еще раз внимательно посмотрел на панно, развернулся и пошел к выходу, на ходу выговаривая что-то переводчику. Переводчик почтительно возражал. Вместо того чтобы наказать непокорного переводчика тут же, на месте, атташе вдруг повернулся и тем же решительным шагом устремился назад. Поравнявшись с Катей, он оттолкнул джинсового телевизионщика и разразился длинной французской фразой. Катерина взглянула на него в полном изумлении, зарделась и стала неуверенно возражать. Атташе настаивал, глаза его сверкали.

– Что он говорит? – Жанна ткнула подоспевшего переводчика в бок.

Тот поглядел выразительно, и до Жанны сразу дошло, что перед ней хоть и переводчик, но служит он только своему атташе, а к ней в толмачи не нанимался. Катя наконец кивнула, но как-то замедленно. Атташе еще раз сверкнул белозубой улыбкой и окончательно удалился.

Часть журналистов устремилась за ним, остальные плотным кольцом окружили Катерину и буквально засыпали ее вопросами. Катя расцвела. Она отвечала невпопад, но это никого не смущало. Блестели вспышки фотоаппаратов, щелкали диктофоны, оператор снимал. Ирина с Жанной держались в сторонке.

Поблизости раздавалось злобное шипение. Это брошенная журналистами Антонина Сфинкс плевалась ядом на свои собственные художественные металлоконструкции. Их разьедало, как будто на металл попала неразбавленная соляная кислота.

Престарелая вышивальщица все так же стояла перед портретами известных политиков и церковных деятелей, вышитых трудолюбивым болгарским крестом. Благообразный священник куда-то испарился. Ирине надоело, что ее все время толкают журналисты, а телевизионщики наступают на ноги, она тихонько отошла, с опаской миновала металлические конструкции и остановилась возле рукодельной бабули. Они поговорили немного о технике вышивания, старушка оживилась и сообщила Ирине множество полезных сведений о вышивании гладью и узелками, а также как делать мережку, ришелье и аппликацию. Ирина похвалила работы, бабушка зарделась от удовольствия и подарила Ирине собственноручно выполненную подушечку для иглол.

Телевизионщики смотали наконец свои провода и отбыли восвояси, сказав, что сюжет будет в сегодняшних вечерних новостях. Журналисты прекратили строчить в своих блокнотах и тоже потянулись к выходу. Немногочисленные посетители осматривали Катины панно весьма благосклонно. Ирина направилась к Кате, раздумывая на ходу, как бы улизнуть пораньше и чтобы Катерина не обиделась. У нее еще масса дел, а Катка, конечно, настроилась на праздничный ужин с шампанским. Если испортить ей праздник, она никогда не простит. Ирина вздохнула и шагнула ближе. Возле металлических опусов Антонины Сфинкс стояла компания – какой-то толстый мужчина в черной рубашке, с длинными рыжеватыми волосами обнимал двух визгливо хохочущих девиц. Подойдя ближе, Ирина поняла, что девицы далеко не первой молодости, да еще и выпивши. Антонина, искусственно оживленная, фальшиво смеялась и

делала вид, что все прекрасно. Там еще ошивался с ними какой-то тип, худой и незаметный. Ирина прошла бы мимо, но вдруг что-то показалось ей знакомым в повороте головы и движениях. У этого типа была странная прическа – довольно коротко стриженный, от неравномерной седины волосы казались пегими, и только спереди был совершенно белый клочок. В целом голова напоминала меховые кроличьи шапки, которые носили в советские времена обычные люди – то есть те, у которых не было никакого знакомства в сфере торговли, чтобы достать приличный головной убор. Мех назывался «кролик серо-заячий», и от нужды такого кролика носило едва ли не девяносто процентов всего мужского населения.

Мужчина поднял свою серо-заячью голову, и Ирина узнала в нем Катиного первого мужа Александра Коврова. Ну естественно, где ж ему быть, когда его Антонина тусуется тут со своими железяками. Вид у Шурика был не слишком довольный – видно, прекрасно представлял, какую сцену устроит ему Антонина дома из-за того, что у Кати неожиданно получился такой успех.

Ирина, конечно, была с ним в свое время знакома, но не слишком близко. Они дружили с Катей давно, и муж у Катки тогда был, но как-то быстро весь вышел. Тем не менее сейчас Шурик при виде ее весьма оживился.

– Привет! – сказал он и шагнул к Ирине, бросив свою Антонину. – Рад тебя видеть! Отлично выглядишь, слышал про твои успехи!

Ирина не успела удивиться и сказать в ответ дежурную любезность, потому что Антонина Сфинкс дернула Шурика за рукав. Ирина поскорее ретировалась, чувствуя, что спину жжет ненавидящий взгляд.

Возле Кати появился новый персонаж – совершенно лысый мужчина с бегающими глазками.

– Это еще кто? – шепотом спросила Ирина недовольную Жанну.

– Черт его знает, – ответила та, – представился неразборчиво, вроде журналист, только непонятно от какой газеты. Не то «Невский вестник», не то «Петербургский курьер», не то вообще «Ленинградский почтальон». И вообще он какой-то скользкий и подозрительный.

Непонятный тип между тем взял Катину руку и прижал ее к сердцу, всячески выражая свою признательность.

– Удивительно! – вещал он. – Восхитительно! Просто божественно! Вы покорили мое сердце!

– Да? – удивилась Катерина и отняла наконец свою руку.

– То есть не вы, а ваши работы! – опомнился лысый тип. – Отчего же раньше я их не видел?! Я очень много потерял! Я должен немедленно сделать о вас большой репортаж! На целую полосу, и непременно с цветными фотографиями! Мы должны встретиться в неформальной обстановке!

– Конечно-конечно, – растеряннo лепетала Катя, – непременно...

– Я должен обязательно поглядеть ваши работы, ведь, как я понимаю, здесь представлены далеко не все?

– Ну разумеется! – расцвела Катерина. – У меня очень много работ! Конечно, одна выставка не дает полного представления...

– Я должен их посмотреть!

– Подозрительный какой-то тип, – прошептала Ирина на ухо Жанне. – Что он к Катке прицепился? Домой напрашивается, а она уж и рада... Как-то он мне не нравится...

– Мне тоже, – кивнула Жанна и вмешалась. – Минуточку! – Она сумела вклиниться между Катей и лысым. – Мы не расслышали, из какой вы газеты.

– Разве я не сказал? «Петербургский радиослушатель». Очень популярная газета! Огромный тираж!

– Вот как? – Жанна переглянулась с Ириной. – А мне послышалось... впрочем, наверное, я ошиблась. Визиточку не подарите?

– Ох! – Лысый хлопнул себя по лбу. – Визитки, к сожалению, кончились. Раздавал, понимаете, направо и налево... вроде и взял много, а ни одной не осталось. Так когда я смогу вас увидеть?

И Катерина, невзирая на Жаннины знаки, продиктовала лысому свой домашний телефон.

С трудом отвязавшись от странного типа, Катя перевела дух и подошла к подругам.

– Девочки, ну как вам это все? Не надоело?

– Как тебе сказать, чтобы не обидеть... – протянула Ирина.

– Зачем ты дала свой телефон этому подозрительному типу? – процедила Жанна. – Он мне очень не понравился!

– Да ладно тебе! – Катя отмахнулась. – Самый обыкновенный журналист... и вообще, девочки, я что-то устала...

И тут, к счастью, торжественное открытие выставки закончилось.

– Ну что, куда пойдём шампанское пить? – спросила Жанна, выходя.

– Понимаете, девочки... – Катерина отвела глаза и покраснела, – я не могу. Меня... меня пригласили в ресторан.

– Как это? – вскинулась Ирина. – И кто тебя пригласил?

– И самое главное – когда он успел? – вторила ей Жанна. – Вроде ты все время на глазах была.

– Это... это тот самый атташе из Кот-де... ну, в общем, вы его видели... – Катерина выглядела совершенно несчастной. – Я не могла ему отказать! Он был так настойчив!

– Это почему же? – зловеще спросила Жанна. – Чем тебя покорила этот орангутанг, только что с пальмы слезший?

– Неправда! – азартно возмутилась Катя. – Вовсе он ни с какой пальмы не слез! Он, между прочим, в Сорбонне целых пять лет учился! А то, что ты говоришь, – это расизм, вот!

– Да я вовсе не в том смысле! – пошла на попятную Жанна.

– Девочки, не ссорьтесь, – Ирина встала между подругами, – люди же смотрят... Жанка, оставь ее в покое, пускай едет куда хочет, в конце концов, она уже большая девочка! Ведь не съест же он ее, на самом-то деле!

– Ты в этом уверена? – протянула Жанна. – Как раз это у него на родине, по-моему, в порядке вещей!

– Думаю, в Сорбонне его от этого отучили!

Тут вывернулся откуда-то Каткин бывший серо-заячий Шурик.

– Катерина! – закричал он и радостно раскрыл объятия. – Как же я не успел тебя поздравить! Головокружительный успех! Рад за тебя, рад!

– Шурик! – расцвела непосредственная Катка и тут же полезла целоваться. – Я тоже очень рада тебя видеть, дорогой мой!

Только Ирина обрадовалась, что в обозримом пространстве нет Антонины Сфинкс, как та возникла из двери, как привидение в шотландском замке, и поглядела Катерине в спину с такой ненавистью, что Ирина невольно поежилась от дурного предчувствия.

Шурик с Каткой обнимались и начали уже вспоминать молодые годы, как вдруг подъехал черный лимузин, и шофер в форме с галунами предупредительно открыл дверцу. Катка вырвалась из объятий бывшего мужа, сделала подругам ручкой и уселась в машину.

– Делай после этого людям добро! – ворчала Жанна. – Возились с ней, а она даже отметить с нами не захотела...

Скрежет зубов Антонины Сфинкс был слышен на весь район.

Худощавый мужчина с бегающими глазами подошел к стоящей около тротуара темно-красной машине. Он остановился возле нее с таким подозрительным видом, что пенсионер Сироткин, выгуливавший неподалеку таксу Дусю, предположил, что неизвестный собирается снять с машины зеркала и дворники. Поэтому, чтобы не нарваться на неприятности, пенсионер развернулся и поспешил в обратную сторону. Дуся очень удивилась: обычно они доходили до круглосуточного магазина и только тогда поворачивали к дому. Сегодняшняя прогулка ее вообще разочаровала: они не встретили ни одной знакомой собаки, и даже не подвернулась кошка, за которой можно было бы погнаться.

Однако события развивались по другому сценарию. Дверца красной машины распахнулась, и подозрительный мужчина сел на переднее сиденье рядом с женщиной в черных очках.

– Деньги, – требовательно проговорил он, протянув руку.

Женщина вложила в руку конверт и прошептала:

– Здесь половина, вторую половину получите после завершения дела... после благополучного завершения. Я надеюсь, вы справитесь?

– Не бойсь! – Мужчина ухмыльнулся. – С настоящим профессионалом дело имеешь! Не лох какой-нибудь! Мне это провернуть – все равно что у ребенка конфетку отобрать! Это вообще плевое дело...

– Почему же тогда такие большие деньги берете? – едва слышно прошелестела женщина.

– Потому и беру, что настоящий профессионал! Мои услуги дорого стоят! Понятно? А ты чего шепчешь-то? Простудилась, что ли? Ноги промочила или пива холодного выпила?

– Какого пива! – Женщина поморщилась. – Нужно соблюдать конспирацию! Вдруг нас кто-то услышит?

– Да кто здесь услышит-то? – Мужчина презрительно хмыкнул и откинулся на спинку сиденья. – Не дрейфь! С настоящим профессионалом работаешь! Не лох какой-нибудь...

– Я надеюсь. – Женщина заговорила немного громче. – Вы все помните? Не нужно повторять инструкцию?

– Обижаешь!

– Не забудьте отключить сигнализацию... сторож всегда спит, да и когда не спит, ни черта не слышит, он глухой старый пень... так что с этой стороны никаких неприятностей можно не бояться...

– Да говорят тебе – я настоящий профессионал! Не лох какой-нибудь! Даже если там будет взвод спецназа, меня это не остановит!

– Откуда там спецназ? – Женщина испуганно отшатнулась от своего собеседника. – Это же не банк!

– Да это я так, для примера... – Мужчина снова хмыкнул. – Ну чего ты такая нервная? Сказали же тебе – все будет в лучшем виде! С профессионалом работаешь, не с лохом каким-нибудь!

– Я надеюсь... – повторила женщина, при этом в голосе ее прозвучало некоторое сомнение. – Вот план... – Она протянула своему соседу сложенный вчетверо листок папиросной бумаги и добавила: – Объект обозначен на плане красным крестом. Я надеюсь, вы ничего не перепутаете!

– Само собой! – Мужчина, даже не взглянув, спрятал листок в карман. – С профессионалом работаешь!

– Да-да, не с лохом каким-нибудь, – продолжила женщина, досадливо поморщившись, – только вы на всякий случай план изучите...

– А как же!

– И еще. – Женщина повернулась к соседу. – Аккуратнее там, чтобы милиция потом никаких следов не нашла. Мне это не нужно, да и вам тоже.

– Само собой. – Мужчина зевнул, прикрыв рот ладонью, и выбрался из машины, напоследок проговорив: – С профессионалом дело имеешь, не с лохом каким-нибудь!

– Смотри у меня! Остаешься здесь за старшего! И чтобы никакого самоуправства, а то ответишь по всей строгости закона! – Пенсионер Сироткин погрозил таксе Дусе пальцем и вышел из квартиры.

Дуся внимательно выслушала хозяйские наставления, склонив голову набок и свесив левое ухо до самого пола. Как только дверь за хозяином закрылась, она немедленно отправилась в угол прихожей, где неосторожный Сироткин оставил новые домашние тапочки, которые подарила ему племянница на Пасху. Тапочки очень интересовали Дусю. Она собиралась как следует их погрызть, поэтому дожидалась ухода хозяина с большим нетерпением. Хозяин уходил каждый вечер на работу. Пенсионер Сироткин работал ночным сторожем в известной художественной галерее «Арт Нуво».

Расположившись в своей каморке, Сироткин заварил чаю, смастерил себе аппетитный бутерброд с розовой вареной колбасой и приступил к исполнению служебных обязанностей. Его служебные обязанности заключались в том, чтобы не спать. Сироткин разгадал кроссворд в газете «Сплетни», потом прочитал в этой же газете волнующий репортаж о скандале, который устроила в ресторане известная эстрадная певица, и короткое сообщение о разводе телевизионного ведущего. Затем он открыл книгу «Как сделать карьеру и преуспеть на службе». Пенсионера Сироткина очень волновали вопросы карьерного роста.

На обложке книги было обещано, что книга написана живым, увлекательным языком, однако уже на второй странице Сироткин начал неудержимо зевать. На третьей странице он стал клевать носом и наконец выронил книгу. Ему приснилось, что хозяева галереи заметили редкостное усердие пенсионера и назначили его директором, при этом значительно увеличили жалованье.

– Мы всегда знали, что на вас можно положиться, Алексеич! – проговорил во сне хозяин.

Сироткин не успел удивиться тому, что хозяин так непривычно к нему обращается, и проснулся.

В каморке было совсем светло, рядом с ним стояла уборщица Марья Михайловна и озабоченно повторяла:

– Алексеич! Да проснись же ты наконец! Не ровен час придет кто-нибудь из начальства, а ты дрыхнешь!

– Кто дрыхнет? – обиделся Сироткин. – Я на посту! Я как штык! Я всегда при исполнении!

– Ага, при исполнении! – передразнила бравого пенсионера вредная Марья Михайловна. – У тебя всю галерею раскрадут, а ты и не заметишь!

– Ну да, раскрадут, – отмахнулся Сироткин. – Кому вся эта дрянь нужна?

– Нужна не нужна, а на работе должен быть порядок! – неодобрительно заявила Марья Михайловна.

Насчет порядка Сироткин с ней был целиком и полностью согласен, о чем тут же и заявил:

– У меня, Марья Михайловна, обязательно порядок, прямо как, к примеру, в танковых войсках!

– Ага, порядок! – продолжала ворчать уборщица. – А дверь, между прочим, на одну собачку захлопнута!

– Как – на собачку? – растерялся Сироткин. – На какую собачку?

Ему не ко времени вспомнилась собственная такса Дуся.

– На какую! – передразнила его Марья Михайловна. – Известно на какую, на обыкновенную! На один верхний замок захлопнуто, когда положено на два верхних и два нижних запирать!

– Не может быть! – перепугался пенсионер. – Я точно помню, что на все запирали! У меня еще этого... как его... склероза нету!

– Как раз и выходит, что есть! – припечатала уборщица. – Да ты, Алексеич, не переживай, я начальству ничего не скажу, мне это ни к чему. Только проверь, не пропало ли чего!

На взгляд Сироткина, самыми ценными предметами в галерее были его личный почти новый электрический чайник и большая банка хорошего растворимого кофе «Амбассадор», которую подарило пенсионеру начальство на его любимый праздник День защитника Отечества. Убедившись, что и чайник, и банка находятся на месте, Сироткин несколько успокоился. Больше того, кофе в банке был на прежнем уровне. Сироткин никого из этой банки не угощал, а сам пил только изредка, под настроение.

Однако следовало проверить и все остальные вверенные ему ценности. В сопровождении перепуганной Марьи Михайловны браваый сторож вышел в галерею.

Первыми на его пути оказались патристические вышивки Евдокии Лукиничны Водопятовой. К этому искусству Сироткин относился с одобрением: оно напоминало ему о рукоделии покойной бабушки, кроме того, соответствовало его глубокому убеждению, что искусство должно быть понятно народу, к которому Сироткин себя не без основания причислял. Убедившись, что все вышивки висят на прежних местах, страж порядка несколько успокоился.

Следующими по курсу располагались металлоконструкции великой и ужасной Антонины Сфинкс. С этими произведениями было несколько сложнее. С одной стороны, они не претендовали на то, чтобы быть понятыми простым человеком вроде пенсионера Сироткина. С другой же стороны, были изготовлены из добротного отечественного металла, а к металлургии Сироткин с юности питал некоторое уважение.

Но и художественные железяки Антонины находились на прежних местах.

Сторож вытер вспотевший от волнения лоб клетчатым носовым платком и прошел вперед.

Здесь висели разноцветные тряпки Екатерины Дроновой. К ним Сироткин относился без уважения. На его взгляд, годились эти панно только на то, чтобы завешивать ими дырки на обоях. Почему взрослая женщина, вместо того чтобы стоять у ткацкого станка или собирать чайный лист, в общем, заниматься настоящей работой, сшивает старые лоскутки, он категорически не понимал.

И вот тут-то его поджидал неприятный сюрприз. Значительная часть «разноцветных тряпок» бесследно исчезла. Сироткин на всякий случай протер глаза, но от этого ровным счетом ничего не изменилось. Перед ним, на том самом месте, где еще вчера вечером находилось панно с двумя лошадьми, белела хорошо оштукатуренная стена. Исчезло и еще несколько работ.

– Ах ты, мать честная! – проговорил сторож и повернулся к Марье Михайловне. Однако ушлая уборщица уже поняла, что случилась грандиозная неприятность, и побежала к телефону звонить начальству, чтобы не впасть в немилость заодно с проштрафившимся сторожем. В том, что Алексеичу грозят серьезные неприятности, она нисколько не сомневалась.

Через час в галерею появилось руководство. Красный и перепуганный Сироткин клялся, что всю ночь не сомкнул глаз и совершенно не понимает, как могли пропасть экспонаты выставки. Директор буравил сторожа взглядом и грозил самыми страшными карами. Марья Михайловна в другой комнате давала показания заместителю директора, причем сдавала сторожа с потрохами.

Еще через час в «Арт Нуво» появилась Полина Копытина, ушлая корреспондентка газеты «Сплетни». Как она пронюхала, что в галерее что-то стряслось, оставалось для всех загадкой. Впрочем, каждый настоящий журналист должен обладать почти мистической способностью оказываться в нужное время в нужном месте.

Полина пошепталась кое с кем из сотрудников галереи и бесшумно удалилась. После нее нахлынули другие представители «четвертой власти», вооруженные самым страшным оружием массового поражения – фотоаппаратами, магнитофонами и блокнотами для записей.

Акулы пера набросились на галерейщиков и в два счета вытрясли у них всю необходимую информацию. Однако к тому времени, когда они вырвались из галереи и бросились в свои редакции и студии, газета «Сплетни» уже печатала сообщение о происшествии в «Арт Нуво».

«Сегодня ночью хорошо вооруженные бандиты совершили налет на одну из городских художественных галерей. Судя по тому, как легко грабители проникли в помещение, у них имелся свой человек среди сотрудников галереи. Тем не менее во время налета было убито несколько человек из состава охраны. Общее количество жертв уточняется нашим корреспондентом.

Целью ночных грабителей были произведения известной художницы Екатерины Дроновой. Только вчера, во время открытия выставки, на ее полотна обратил внимание один из арабских шейхов, посетивший галерею. Нефтяной магнат обсуждал с художницей приобретение ее работ, причем в этом разговоре были названы цифры с семью нулями. Однако Дронова заявила, что не хочет, чтобы ее произведения покинули Россию, и уже ведет переговоры об их приобретении с одним из богатейших людей нашей страны, включенным в известный список, опубликованный журналом «Форбс».

В свете этих событий ночное происшествие наводит нас на размышления. Не действовали ли грабители по поручению шейха?

Наш корреспондент Полина Копытина проводит собственное журналистское расследование. Следите за ним в следующих выпусках нашей газеты. Только у нас вы найдете самую свежую и достоверную информацию обо всем происходящем в городе, в стране и в мире».

– Девочки, ну откуда она все это взяла? – горестно проговорила Катя, складывая газету. – Ведь ни слова правды нет!

С утра Катерина позвонила Ирине, причем была в совершенно невменяемом состоянии. С трудом добившись от нее кое-каких сведений, Ирина помчалась отпаивать Катю валокордином, вызволив по дороге Жанну. Жанна хоть и поклялась вчера Ирине, что с неблагодарной Катюшкой и словечка не скажет, тем не менее успела к «погорелице» даже раньше Ирины. Умыли зарезанную художницу холодной водой и поехали в галерею. Поток журналистов уже схлынул, так что Катю с распухшей физиономией никто и не думал снимать. Исчезло больше половины работ – всего восемь штук. Вор действовал быстро и умело. Ничего не было ни взломано, ни опрокинуто, ни перевернуто. В галерее царил относительный порядок. Только вместо Катиних работ зияли пустые места. Милиция допрашивала сторожа и пожимала плечами. Катю снова отпаивали валокордином.

Сейчас три подруги сидели в кафе «Гурме» на втором этаже «Пассажа». Перед Жанной и Ириной стояли маленькие чашечки кофе по-венски, перед Катей – большая чашка капучино и тарелка с куском орехового торта.

– Ну почему же ни слова? – отозвалась Ирина. – Во всяком случае, твою фамилию она не переврала, а это уже большое достижение!

– И вообще это огромная удача! – вмешалась Жанна. – Это такой первоклассный пиар! Теперь все несколько дней будут говорить только о тебе! Да такое ни за какие деньги не купишь!

– Да. – Катя всхлипнула. – А панно-то пропали! Вы не представляете, как жалко! Сколько труда я в них вложила! Особенно это, последнее, с двумя всадниками и двумя звездами!

– Конечно, жалко, – согласилась Ирина. – Но может быть, они еще найдутся... милиция ведет расследование...

– Милиция! – фыркнула Жанна. – Тебе самой-то не смешно? Когда они что-нибудь находили? Но я повторяю – это не главное! Ты сделаешь еще много таких панно, а эта кража создаст тебе имя! Знаешь, как рассуждают люди? Посредственные вещи не крадут! Раз твои работы украли – значит, они очень дорого стоят! Тем более тут в статье такого наворотили – грабители, жертвы, арабский шейх...

– Вот-вот. – Катерина всхлипнула еще громче. – Еще и Люсьен наверняка обидится...

– Кто? – хором воскликнули Ирина и Жанна.

– Ну, Люсьен... кот-де-леонский атташе...

– Ах, так он уже Люсьен! – Жанна уставилась на подругу взглядом прокурора, требующего высшую меру за кражу велосипеда.

– Ну вообще-то его зовут по-другому, но его настоящее имя просто невозможно произнести... – смущенно ответила Катя, заметно покраснев и торопливо приступив к уничтожению торта.

– Колись! – завопила Жанна, так что на нее обернулась сидевшая за соседним столом дама элегантного возраста. – Колись! Как прошел твой вчерашний поход в ресторан?

– Да ничего особенного! – пыталась отбиваться Катя.

– Судя по тому, что он уже Люсьен, особенное все-таки было...

– Да нет... ели мясо зебу с кус-кусом...

– Зебры? – удивленно переспросила Ирина. – Я бы ни за что не стала есть зебру, она такая симпатичная...

– Да не зебру, а зебу! – поправила ее Катя. – Это такое животное вроде горбатой коровы... а еще ели бататы, маниоку и плоды хлебного дерева... вообще все такое экзотическое...

– Катка в своем репертуаре! – возмущенно проговорила Жанна. – Вчера она весь вечер ела, а сегодня будет нам об этом в восторге рассказывать! Ты нам лучше расскажи, что у тебя было с этим Люсьеном!

– Да ничего не было! – Катя с удивлением рассматривала свою опустевшую тарелку, на которой почему-то совсем не осталось торта. – Девочки, подождите, я закажу себе еще одно пирожное!

– Нет! – сурово воскликнула Жанна. – Никаких пирожных, пока не расскажешь нам все про вчерашний вечер!

– Да и вообще, Катюша, думаю, тебе хватит, – подбавила свою каплю яда тихая Ирина.

– Какие вы все-таки жестокие! – обиженно прошептала Катя. – Между прочим, я сегодня ничего не ела... ну, почти ничего! И такой ужасный стресс перенесла с утра пораньше!

– Ничего и почти ничего – это, как говорят в Одессе, две большие разницы, – стояла на своем непреклонная Жанна. – Рассказывай в подробностях, иначе никаких пирожных!

– Да говорю же вам, девочки, ничего не было. Печеные бататы, пирог с маниокой, кус-кус...

– Не про еду! – рявкнула Жанна. – Про Люсьена!

– Но действительно же ничего не было! Он вел себя как настоящий джентльмен, только все время расспрашивал меня, когда я была в Африке, и ни за что не хотел поверить, что я там не бывала...

– И никаких поползновений с его стороны? – недоверчиво осведомилась Жанна.

– Говорю же вам – никаких! Хотя, конечно, он потрясающе интересный мужчина... – И Катя зарделась, мечтательно воздев глаза к потолку.

– У тебя просто какая-то патологическая страсть ко всему африканскому, – насмешливо выдала Жанна, побарабанив наманикюренными пальцами по стеклянному столу. – Наверное, ты заразилась этой страстью от своего мужа, профессора Кряквина...

– Может быть... – задумчиво протянула Катя.

– Интересно, эта инфекция передается воздушно-капельным путем или только половым?

– Фу, Жанна, ты просто невозможна! – На этот раз Катерина всерьез обиделась на подругу и вскочила из-за стола. – Между прочим, Жанночка, я тебе хотела одну очень важную вещь сказать, – бросила она через плечо, – именно тебя касающуюся, но раз ты так, то тебе же будет хуже!

– Жанна, ну ты ее действительно задразнила! – вполголоса проговорила Ирина, глядя в спину удаляющейся подруге. – Нельзя же так!

– Не волнуйся. – Жанна отмахнулась. – Ты думаешь, она уйдет? Да она просто пошла к стойке заказать себе еще пирожных!

Жанна оказалась совершенно права. Через минуту Катя вернулась к столу с тарелкой, на которой красовались кусок ежевичного флана и песочная корзиночка с клубникой и кусочками персика.

– Девочки, – жалобно сказала она, – не бросайте меня одну! Вот сейчас кофе выпьем и поедем снова в галерею. А то я утром даже не поглядела, что там осталось, на пепелище.

– Да не трави ты душу! – не выдержала Ирина. – Ведь так от переживаний и заболеть можно!

– Она нарочно на жалость бьет, – заметила Жанна, – чтобы мы ей эту кучу пирожных съесть позволили.

– Лучше быть толстой и здоровой, чем тощей и больной, – философски заметила Катя и в кои-то веки вышла победительницей в споре.

Уборщица в галерее «Арт Нуво» Марья Михайловна Вострикова была вне себя от ярости. Нынешний день не задался с самого начала. С утра она поругалась с невесткой из-за места в холодильнике. Эта коровища с вечера впихнула свою кастрюлю с супом, да так подвинула все продукты, что у Марьи Михайловны опрокинулась банка со сметаной. Сметана, ясное дело, вылилась на невесткину колбасу, и та устроила скандал. Конечно, сын встал на сторону невестки – очевидно, потому, что ему не досталось колбасы, а нормальный завтрак приготовить эта лентяйка не может – она, видите ли, опаздывает на работу.

Сам по себе скандал не слишком расстроил Марью Михайловну, собачиться с невесткой вошло уже в привычку, нечто вроде утренней зарядки, даже полезно для здоровья, бодрит. Огорчало лишь то, что в этот раз невестка сумела оставить за собой последнее слово.

«Мало того что утром житья не даете, – заявила эта нахалка, – так еще и суп из-за вашего характера все время прокисает!»

И дверь напоследок хлопнула, и каблучищами своими по лестнице простучала, что твоя лошадь подковами. А пока Марья Михайловна собиралась с духом, чтобы высказать все, что у нее наболело, вся семья спешно испарилась – кто на работу, кто в школу.

Марья Михайловна пошла на работу неотомщенная, а как только увидела, что дверь в галерею на один замок закрыта, сразу поняла, что сторож проспал. Ему только дай волю, все на свете проворонит! И ведь непьющий вроде, только кофе каждый вечер наливается! И спит от него так крепко, как другие от водки.

Сама Марья Михайловна кофе не любила – горький, пахучий, да еще и спишь от него отвратительно, черти снятся.

Так и оказалось, что все плохо, обокрали галерею, вынесли экспонаты. Красивые такие картинки, из тряпочек сделаны, а сама художница какая-то странная, волосы разноцветные. Но за время работы в художественной галерее Марья Михайловна ко всему привыкла, художники – они народ чудной, один другого перешеголять норовят. А дамочку не то чтобы жалко, но уж очень она убивалась, чуть ли не головой о стенку билась. Сторож Сироткин только рукой махал – дескать, что уж так расстраиваться из-за тряпок-то. Тут Марья Михайловна с ним не согласилась – одного труда, сказала, сколько пошло, да времени. Они, мужики-то, никогда

женскую работу не уважают – заштопаешь им все, заплатки аккуратные поставишь – глядишь, снова все рваное, когда только успевают...

Ох и вертелся Сироткин, когда начальство приехало! Ну прямо как карась на сковороде! Отпирался ото всего, честные глаза делал, кулаком себя в грудь стучал – дескать, всю ночь на посту как штык! Глаз не сомкнул, выполнял должностную инструкцию!

Начальство не очень-то поверило. Какой уж тут штык, когда все двери чуть ли не нараспашку! Да и Марья Михайловна не стала сторожа покрывать – все выложила как на духу. Чего его выгораживать, он ей не сват, не брат, не муж и не любовник (Господи, прости, с языка неприличное сорвалось!).

А дальше у нее самой неприятности начались. Так уж повелось, кабинеты начальства и подсобные помещения она убирала по вечерам, как все разойдутся, а выставочный зал – утром, пораньше, пока еще не открыли. Сегодня, конечно, ни о какой уборке и речи быть не могло – милиции понаехало, корреспондентов, бегают, носятся, всех допрашивают, пишут. Ну и ладно, обрадовалась было Марья Михайловна, все работы меньше... Да не тут-то было. Этих милицейских и в служебные помещения занесло. Натоптали, наделили, окурки везде, пыль, грязь. Ботинки перед входом ни один не вытрет, так с улицы и прутся! Директор галереи злой как черт – такое ЧП. А на ком злость сорвать? Ясное дело, на подчиненных. А кто самый безответный? Уборщица, кто же еще. Как налетел на нее в коридоре, как гаркнет! «Чем это вы, – кричит, – тут занимаетесь, ласы, – говорит, – точите, а кругом грязь? И так неприятности, так еще и персонал распустился!»

Марья Михайловна ему и говорит рассудительно, что, мол, к чему зазря убирать, когда до конца дня еще сто раз натопчут? Директор от злости весь красный стал, Марья Михайловна даже испугалась, что его удар хватит! Тот увольнением пригрозил, Марья Михайловна решила все сделать, как велит. Не хватало еще работу потерять!

Мыла полы тщательно, чтобы никто не привязался, самые дальние закутки вычистила. А когда дошла до кладовочки, где старые рамы хранятся да разные инструменты, то дверца оказалась открытой. Иногда этой кладовкой пользовались такелажники и оформители, грубые, невоспитанные мужики. Они прятали там спиртное и часто, забрав свою записку, не запирали дверь. Марья Михайловна дернула дверцу-то, а оттуда – батюшки-светы! – он и вывалился. Кто он – уборщица сначала и не врубилась, не то большущая кукла, не то манекен, в галерее всякое может встретиться. Да только как грохнулся он на пол с тяжелым стуком, тогда Марья Михайловна и поняла, что не манекен это, а самый что ни на есть покойник. Лысый, весь желтый, и челюсть отвисла.

Марья Михайловна негромко охнула, зачем-то перекрестилась и попятилась. Убедившись, что покойник самый что ни на есть всамделишный и не собирается исчезнуть, она бросилась назад по коридору искать кого-нибудь из начальства. Покойники – это по их части.

Не успели подруги войти в помещение «Арт Нуво», как навстречу им как чертик из табакерки выскочил администратор галереи Лева Гусь. Создалось впечатление, что Лева сидел под дверью в засаде, как кот возле мышиной норки, и караулил их. Реденькие Левины волосики от волнения торчали дыбом, делая его похожим на перезрелый одуванчик.

– Екатерина Михайловна! – налетел Гусь на Катю, сделав большие глаза. – Вас тут обыскались!

– Кто? – растерянно спросила Катя. – Журналисты?

– Какие журналисты! – Лева всплеснул руками. – Я вас умоляю! Если бы это были журналисты! Вас ищет милиция! Такая страшная женщина, что моя теща перед ней – просто ангел!

– Милиция? – Катя попятилась. – Почему милиция? С какой стати милиция? Зачем я нужна милиции?

– И не спрашивайте! Тут такое случилось, такое случилось... пойдете скорее, а то она уже перекалилась, как испорченный кипятильник, и начинает сыпать вокруг себя искры!

– Катя, мы с тобой! – решительно заявила Ирина.

– Но она просила привести только Екатерину Михайловну... – простонал администратор.

– Мало ли что она просила! – осадила его Жанна. – Я ее одну ни за что не оставлю... и вообще, я дипломированный юрист и имею право...

Эта фраза осталась неоконченной, потому что Жанна не успела придумать, какое именно право она имеет в данной непростой ситуации, но Лева Гусь не стал дожидаться окончания фразы. Он только тяжело вздохнул и повел подруг в свой кабинет.

За столом в его кабинете сидела тоненькая девочка с большими голубыми глазами и светлыми коротко подстриженными волосами. Жанна огляделась по сторонам в поисках грозного милиционера, но в это время хрупкая блондинка приподнялась из-за стола и рявкнула хриплым басом:

– Почему посторонние? Я приказала привести только Дронову! Которая тут Дронова?

– Я! – испуганно созналась Катя.

– Остальным выйти! – прогрохотала блондинка и для большей выразительности грохнула кулаком по столу. Кулачок хоть был и небольшой, а гром получился самый что ни на есть серьезный.

– Я юрист! – бросилась Жанна на амбразуру. – Я с ней останусь! Я имею право!

– Я сама юрист! – ответила грозная девица. – И никакого права вы не имеете! А впрочем... вы ведь были здесь вчера во время открытия выставки?

Девица буравила Жанну пронзительным взглядом и одновременно вытряхивала из пачки толстую крепкую папиросу.

– Была! – Жанна на всякий случай сделала шаг вперед.

– Я тоже была! – заявила Ирина и встала рядом с подругой.

– Тогда останьтесь! – Девица закурила, и по кабинету поплыл запах крепкого мужского табака. – Пойдете вместе с Дроновой на опознание.

– На что? – переспросила Катя, резко побледнев.

– На опознание тела. – Блондинка решительно поднялась из-за стола. – Капитан Матросова.

– Какое тело? – испуганно пролепетала Катерина. – Какого Матросова? Я не знаю никакого капитана Матросова...

– Это я капитан милиции Матросова! – сообщила суровая блондинка, направляясь к двери.

За дверью кабинета многочисленную женскую компанию встретил рослый мрачный мужчина со сросшимися на переносице бровями.

– Александра Ивановна, какие будут указания? – бросился он к суровой блондинке, преданно пожирая ее глазами.

– Этих – на опознание! – распорядилась Матросова, сдвинув дымящуюся папиросу в угол рта.

Подруг провели по полутемным служебным коридорам галереи и ввели в небольшое подсобное помещение. Посреди комнаты стоял стол. На нем под не очень свежей простыней отчетливо вырисовывались очертания человеческого тела. Мужчина со сросшимися бровями сбросил край простыни и спросил, обращаясь в первую очередь к Кате:

– Вам знаком этот человек?

Катя схватилась за сердце и на всякий случай зажмурила глаза. Однако в комнате царил выжидающее молчание, она собралась с силами, приоткрыла один глаз, сделала шаг вперед и уставилась на то, что лежало на столе.

Она увидела лысую голову неправильной формы, прикрытые набрякшими веками небольшие глаза и неуверенно проговорила:

– Это журналист... он вчера подходил ко мне на выставке... правда, девочки? – И она обернулась на подруг в поисках поддержки.

– Между собой не переговариваться! – рявкнула суровая Матросова. – Остальные свидетели еще получают слово! Своевременно! Так вы признаете, что этот человек вам знаком?

– Ну что значит знаком? – растерянно протянула Катя. – Я же говорю, он вчера подходил ко мне на выставке, хотел взять интервью, написать статью о моих работах... он журналист...

– От какой газеты? – строго спросила Матросова.

– Ой, от какой же... – Катерина снова обернулась к подругам: – Вы не помните, девочки?

– От «Невского курьера», – сообщила Ирина.

– От «Петербургского вестника», – одновременно с ней произнесла Жанна.

– Так все-таки от какой? – не отступала упорная милиционерша. – Как-то вы расходитесь в показаниях.

– Или, кажется, от «Ленинградского почтальона»... – еле слышно проговорила Катя.

– Он сам все время путался, – подвела итог Жанна. – То одно называл издание, то другое...

– Странно, – недоверчиво протянула Матросова.

– Нам это тоже показалось странным, – продолжала Жанна. – Я у него попросила визитку, а он не дал, сказал, что они у него кончились...

– Ничего странного, – заговорила Ирина, неожиданно почувствовав потребность вступить за пишущую братию, к которой себя тоже причисляла, – очень многие журналисты работают сразу на несколько изданий, поэтому он мог называть то одну газету, то другую...

– Разберемся! – рявкнула Матросова. – А имени его вы, конечно, тоже не знаете? Или он называл несколько имен? Это тоже принято среди журналистов?

– Нет, почему же... – протянула Ирина, – кажется, он сказал... хотя он вроде бы так и не представился...

– Представился! – перебила ее Жанна. – Его зовут... то есть звали... – Она потерла пальцами переносицу и задумалась. – А вообще-то он как-то неразборчиво представился, я не слышала его имени...

– Очень странно! – Матросова криво усмехнулась, как будто только что поймала свидетелей за руку и они моментально превратились в подозреваемых. – У нас, между прочим, имеются показания, говорящие о том, что у вас с потерпевшим были личные контакты. – Она уставилась на Катю пронзительным взглядом.

– Ка... какие контакты? – переспросила Катя дрожащим голосом.

– Вопросы здесь задаю я! – оборвала ее суровая девица, но тем не менее тут же ответила на Катин вопрос: – Вы назначили потерпевшему свидание!

– Какое свидание? – Катя покраснела. – Вовсе никакого свидания я ему не назначала!

– Да? – Капитан усмехнулась. – А между прочим, у него найден ваш телефон! То, что это ваш телефон, подтвердил присутствующий здесь гражданин Гусь!

Лева, тихо стоявший в углу, завертелся как угорь на сковородке.

– А что я? – пробормотал он. – Я ничего... я вас умоляю, или это такой большой секрет?

– Впрочем, мы и без него очень быстро это выяснили бы!

– Ах, телефон! – обрадованно воскликнула Катя. – Ну да, я ему дала свой телефон, но это совсем не то, что вы думаете! Ведь он хотел взять у меня интервью, а для этого ему нужно было посмотреть другие работы... а они у меня в мастерской... ну, вы понимаете...

– Я-то все отлично понимаю, – сурово проговорила милиционерша, – а вот понимаете ли вы, насколько серьезно ваше положение? Вы были, можно сказать, последней, с кем общался пострадавший... то есть погибший, и у вас были все возможности...

– Да не было у меня никаких возможностей! – прервала ее Катя. – Я вчера вечером была... была... – Катя замялась, почувствовав, что то, что она собиралась сказать, вряд ли послужит пользе дела.

– Я вас слушаю, – насмешливо проговорила Матросова. – Где же вы были вчера вечером?

– В ресторане... – неуверенно проговорила Катя, залившись румянцем.

– Очень интересно! И это кто-нибудь может подтвердить?

– Зря вы так иронизируете! – бросилась Жанна на защиту подруги. – Екатерина Михайловна вчера была в ресторане по приглашению атташе республики Кот-де-Леон, в рамках, так сказать, укрепления культурных связей между нашими странами. На господина атташе произвели большое впечатление ее работы, и он захотел закрепить знакомство. Если у вас есть какие-то сомнения, можете запросить пресс-службу консульства...

– Да нет, у меня никаких сомнений нет. – Суровая девица моментально стушевалась. – Я только хотела уточнить, кто где был...

– Послушайте! – Катерина взяла себя в руки. – Заявляю вам совершенно официально, что с этим человеком, – она ткнула рукой в то, что лежало под простыней, – я не имею никаких связей. И даже знакома не была, а только перекинулась парой слов на выставке. Да там полно народу толклось, многие его видели. И даже странно слышать от вас такие вопросы – где я была вчера вечером. Я, к вашему сведению, потерпевшая! У меня украли работы! По-вашему, я сама это сделала?

Жанна за спиной сурового капитана показала Кате две сомкнутые руки – дескать, молодец, подруга, сумела себя поставить, одобряю!..

– Ваши украденные работы теперь отходят на второй план! – заявила капитан Матросова. – Теперь мы расследуем убийство.

– Ну вот! – обрадовалась Жанна. – Все как я говорила! Катерина, простись со своими панно, милиция и не подумает их искать!

Ирина почувствовала, что нужно срочно вмешаться, потому что Жанна и милиционерша смотрели друг на друга горящими глазами, как две голодные пантеры. Если бы речь шла о рукопашной, она бы, пожалуй, поставила на Жанну, но в данном случае силы были неравны, потому что за спиной капитана Матросовой стояли трое бравых сотрудников, которые, конечно, не стали бы спокойно смотреть, как лупят их начальницу.

– Послушайте, – сказала Ирина, – ведь очевидно же, что если два преступления произошли в одном и том же месте в одно и то же время, то они взаимосвязаны. Проще говоря, кто этого типа убил, тот и работы художницы Дроновой украл!..

Она внезапно замолчала, наткнувшись на жесткий взгляд капитанши.

– Вы, гражданка Снегирева, кем работаете? – обманчиво вкрадчивым голосом спросила Матросова.

– Я писатель, – пробормотала Ирина и поспешно наступила на ногу Катьке, которая порывалась сообщить, что Ирина Снегирева – знаменитая писательница детективов, что на ее счету уже больше десяти романов и что скоро на экраны телевизоров выйдет телесериал по ее произведениям.

– Угу, писатель... – издевательски протянула Матросова. – Так вот, гражданка писатель! Я же не учу вас, как романы писать! А я – оперативник! Я сама знаю, как убийства расследовать! Вам, видите ли, все очевидно, а мне – не очевидно! И давайте каждый будет заниматься своим делом!

«Ну и грубиянка! – подумала Ирина. – И ведь совершенно не подойдет тут ответ типа «Не учите меня жить!» или «Сама такая!». Откровенно говоря, вообще не представляю, как с этой капитаншей разговаривать, она же все сама знает. Видно, права Жанка, пропали Катины работы безвозвратно».

Появился вышедший ненадолго помощник Матросовой. Еще больше нахмутив сросшиеся брови, он прошептал на ухо начальнице несколько слов. Та резко помрачнела; впрочем, и раньше ее настроение не было безоблачным.

– Ну, должна вам сообщить, что убитый никакой не корреспондент газеты «Ленинградский почтальон», а фигура, известная в криминальных кругах, – нехотя сказала она. – Это некий Леонид Подсвечников по кличке Леня Свет, он же Алексей Пеньков, он же Лысый Ленчик.

– Ой! – Катерина закрыла рот рукой. – Ужас какой! А что ему было от меня нужно?

– Вот именно об этом я и хотела вас спросить, гражданка Дронова! – серьезно сказала капитан Матросова, и даже хриплый голос ее стал звучать не так противно.

– Вы его личность по отпечаткам пальцев определили? – поинтересовалась Ирина. – Или как?

– Или как, – строго сказала Матросова. – И попрошу больше не задавать вопросов не по существу.

Ирина обиделась и далее хранила гордое молчание.

– Я жду ответа! – отчеканила капитан, требовательно глядя на Катю.

– Слушайте, ну откуда я знаю, что ему было от меня нужно?! – рассердилась Катерина. – Он сам ко мне пристал как банный лист, все домой просился остальные работы смотреть, я думала – это журналист такой настырный!

– А ваши панно, они... как бы это выразиться... представляют какую-нибудь ценность?

– Что вы хотите этим сказать?! – возмутилась Катя. – Художественные произведения всегда представляют ценность.

Капитан Матросова взглядом выразила все то, что она думает о куске ткани, на который нашито множество мелких тряпочек, и все это автор называет искусством. У нее в голове никак не укладывалось, что кому-то могли понадобиться разноцветные тряпки. Может, и красиво, конечно, на вкус и цвет товарища нет, но вряд ли за такое убивают.

– Для меня мои работы бесценны! – закричала Катерина, правильно прочитав все, что светилось в голубых глазах милиционерши.

– Екатерина Михайловна хотела сказать, что примерная стоимость украденных работ составляет десять тысяч долларов, – влезла в разговор Жанна, – по рыночным ценам, конечно.

– Для Лысого Ленчика это семечки! – пренебрежительно сказал бровастый сотрудник капитана Матросовой, за что был удостоен грозного взгляда своей начальницы.

– Он что, специализировался на произведениях искусства? – не выдержала Ирина.

– Свидетели, вас больше не задерживают! – рявкнула Матросова прокуренным басом. – Все свободны! К следователю вызовут!

– Когда? – прищурилась Жанна.

– На днях или раньше!

Темно-красная «хонда» свернула к тротуару и затормозила. Тут же из стоявшей рядом бежевой «пятерки» выскочил худощавый мужчина с бегающими глазами. Передняя дверца красной машины открылась, мужчина пригнулся и плюхнулся на сиденье рядом с женщиной в черных очках.

Сразу было видно, что мужчина взбешен.

– Ты что же, стерва коммунальная, устроила? – прошипел он, повернувшись к своей соседке. – Ты во что меня втянула?

– Это вы должны мне объяснить, что произошло! – прервала его женщина срывающимся от волнения голосом. – Кого вы там убили? Мы ни о чем таком не договаривались!

– Я?! – возмущенно выкрикнул мужчина. – Да ты, каракатица безмозглая, курица ошипанная, за кого меня принимаешь? Я профессионал, а не лох какой-нибудь! Я на мокрое дело

не подряжался! Я к тому покойнику никакого отношения не имею! Взял то, о чем договорились, вынес – и дело с концом! Моя работа выполнена! А то, что там жмурик какой-то непредусмотренный образовался, – это все дело меняет! Ты меня ни о чем таком не предупредила! На меня хочешь покойника своего повесить? Не на такого напала!

– Я тоже к этому трупку никакого отношения не имею! – прошипела женщина. – И нечего на меня кричать!

– Да я не то что кричать, я тебе сейчас шею сверну! – И мужчина пригнулся к ней, как будто собираясь привести свою угрозу в исполнение.

Женщина отдернулась от него и нажала на кнопку сигнала. Прохаживавшийся возле перекрестка гаишник удивленно покосился на красную машину и неторопливо двинулся к ней, помахивая жезлом.

– Ты что, совсем сдурела? – прошипел мужчина. – Только мента нам теперь не хватало!

– Сам сдурел, – огрызнулась женщина, – нечего мне угрожать!

Милиционер приблизился к машине, наклонился и проговорил, заглянув в окошко:

– Старший сержант Конопелькин. Что тут у нас случилось?

– Ничего не случилось, все в порядке, начальник! – ответил мужчина, изобразив на своем лице подобие широкой улыбки.

– Не тебя спрашиваю!

– Все в порядке, – подтвердила женщина, вымученно улыбнувшись.

– А если все в порядке, – недовольно произнес милиционер, – то зачем сигналите? Что же вы, гражданочка, не знаете, что подача звуковых сигналов в городе запрещена, за исключением аварийной опасности?

– Знаю, – виновато проговорила женщина. – Нечаянно кнопку задела! Сколько я вам должна?

– Ладно, ничего не должны, – расщедрился старший сержант, выпрямляясь, – в следующий раз будьте осторожнее!

Едва дождавшись, когда отойдет милиционер, мужчина вполголоса проговорил:

– Совсем окосела! Сейчас бы этот мент документы потребовал, и горели бы мы синим пламенем...

– А нечего было угрожать!

Мужчина резко выдохнул сквозь сжатые зубы, издав звук наподобие змеиного шипения, и взял себя в руки.

– Ладно, открывай багажник, я к тебе переложу то, о чем договаривались.

– Не надо! – испуганно ответила женщина. – После того что случилось, я ничего не хочу брать...

– Ну уж нет! Хочешь, чтобы меня с этим барахлом замели и повесили на меня того покойника? Не выйдет! Ты из меня лоха-то не делай! Не на такого напала! Я профессионал!

Он выбрался из «хонды», подошел к своей неприметной «пятерке», покосился на гаишника, убедившись, что тот занят собственными делами, открыл багажник и достал из него какой-то тяжелый объемистый тюк. Поскольку женщина сидела на прежнем месте и не думала открывать багажник своей машины, «профессионал» забросил тюк к ней в салон, под заднее сиденье. Потом он снова сел в красную машину и удовлетворенно проговорил:

– Вот так-то! Как договаривались, так и сделаем, и нечего тут понты кидать! Теперь гони оставшиеся деньги, и разбежимся, как тараканы после дихлофоса! Я тебя не знаю, и ты меня не знаешь!

Женщина что-то недовольно проворчала себе под нос, но не решилась спорить. Она вытащила из бардачка конверт и протянула его своему соседу. Тот довольно ухмыльнулся и сказал напоследок:

– Стоило бы с тебя дополнительную капусту срубить, так сказать, штраф за лишний риск и непредвиденные обстоятельства, но так уж и быть. Уговор дороже денег. На сколько договорились – столько и возьму. Потому что я профессионал, а не лох какой-нибудь!

С этими словами он пересел в свою машину и поспешно отъехал от тротуара.

Женщина еще долго сидела, думая, как поступить в изменившихся обстоятельствах. Все шло наперекосяк, совершенно не так, как было задумано. Она достала пачку сигарет. Руки так тряслись, что закурить удалось с трудом, с третьей или четвертой попытки. Ей показалось, что старший сержант Конопелькин начинает подозрительно коситься на ее машину. Нужно было уезжать и обдумать ситуацию в более удобном месте.

Она повернула ключ в замке зажигания, выжала сцепление и выехала на дорогу. Руки на руле дрожали мелкой дрожью. Женщина несколько раз глубоко вдохнула, стараясь справиться с беспокойством. Обгоняя ее, мужчина за рулем синей «тойоты» покрутил пальцем у виска. Оказывается, она ехала с включенным сигналом поворота. Нет, в таком состоянии находиться за рулем нельзя, нужно оставить машину где-нибудь в безопасном месте и добираться домой на частнике... правда, у нее в машине находится опасный груз...

Она не успела додумать эту мысль до конца. Не заметив сигнал светофора, выехала на перекресток под красный свет и опомнилась только тогда, когда увидела прямо перед своей машиной новый серебристый «ягуар»... В долю секунды в мозгу промелькнула мысль о том, сколько стоит эта шикарная машина и какие неприятности ждут ее, если не удастся избежать столкновения... руки сами вывернули руль до предела, отвратительно заскрипели тормоза, «хонда» резко свернула в сторону. «Ягуар» благополучно промчался мимо, а темно-красная машина, совершив немыслимый разворот, выскочила на тротуар и влетела капотом в стену. Раздался душераздирающий скрежет рвущегося металла, звон стекла, и наступила оглушительная тишина.

Капот красной «хонды» сложился как гармошка, на тротуар посыпались стекла. Женщина ударилась грудью о руль, от этого удара на мгновение перехватило дыхание, но она поняла, что осталась жива.

В окружившей ее глухой, как вата, тишине непрерывно раздавался какой-то резкий, раздражающий звук. Наконец она поняла, что сама нажимает на кнопку сигнала. Отпустила ее, и стало еще тише. Почему-то она вспомнила, как мужчины разговаривали при ней о машинах, о том, что современные модели создаются так, чтобы при ударе машина разбивалась вдребезги, но человек оставался цел. С этой целью для корпуса используют специальные довольно мягкие сплавы, применяют особые конструкции, разрушающиеся при сильном ударе. Сейчас именно это и произошло. Красная «хонда» разбилась в лепешку, сохранив жизнь хозяйки. Кажется, женщина вообще не пострадала. Она толкнула дверь, выбралась из машины и побрела по тротуару, спотыкаясь и неуверенно переставляя ноги. Свернув за угол, подняла руку. Видимо, ее вид оставлял желать лучшего, потому что остановился только третий или четвертый водитель.

Про тюк, оставленный в салоне разбитой «хонды», она даже не вспомнила.

– Так я и знала, – обреченно сказала Катя, – так я и думала...

– Что ты думала? – напустилась на нее Жанна. – Ты вообще никогда ни о чем не думаешь, а витаешь в облаках! А когда что-то случается, ты сразу же начинаешь трястись и реветь, как будто этим делу поможешь!

Ирина протянула Кате свой носовой платок и подумала, что Жанна, конечно, права. Катка совершенно расклеилась. После разговора с грозной капитаншей Матросовой они прошли в выставочный зал и с грустью обозрели оставшиеся четыре Катины работы. При виде зияющих пустот на месте остальных Катерина снова впала в отчаяние, а у секретарши директора галереи кончился валокордин. И корвалол тоже кончился. И капли Зеленина. А настойки пустырника у нее и не было никогда. Девица предлагала какие-то транквилизаторы, но Жанна

решиительно отказалась – дескать, неизвестно, как Катин изможденный стрессом организм отреагирует на незнакомое лекарство. Жанна нервничала и поминутно смотрела на часы, но нужно было отвезти несчастную Катерину домой. Ирина в который раз возблагодарила Бога, что у нее такая работа. Как раньше говорили – свободная профессия. Нет над ней никакого начальства, не нужно ни у кого отпрашиваться. Давать отчет тоже никому не нужно, она может помочь Кате. Хотя, конечно, Жанка права: Катерина принимает все слишком близко к сердцу. Ну что такого ужасного случилось? Ну украли работы, так, может, еще найдут... Хотя вряд ли. Но и это не самое страшное, могло быть хуже. Ведь не убили же! Хотя как раз убили, но совершенно незнакомомого типа, подруги его и знать не знают, так что нечего попусту расстраиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.